И. КУТЯКОВ

Боевой путь Чапаева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · 1936

И. КУТЯКОВ

Боевой путь Чапаева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1936

И. Кутяков „Боевой путь Чапаева“

Книжка написана ближайшим сподвижником героя гражданской войны В. И. Чапаева, одним из организаторов славной 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. На основании архивных материалов и личных воспоминаний автор воссоздает замечательный боевой путь, пройденный тов. Чапаевым. Книжка предназначается для красноармейцев, рабочих и колхозников.

Подготовили к печати:
Редактор *В. Боргенс*
Техн. редактор *А. Бабочкин*
Корректор *А. Косоурова*
Выпускающий *П. Кузин*
Обложка художника *Б. Старицына*

Сдано в производство 20/X 1935 г.
Подписано к печати 19/XII 1935 г.
Форм. 82×110 1/32. 7,5 п. л. (4,12 авт. л.) 27744 зн. в 1 п. л.
Цена книги 1 р., переплет 25 коп.
Огиз № 256 Зак. № 4729 Тир. 15.000 экз.
Уполном. Главлита В—31811

Центр. тип. НКО им. Клима Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

В. И. ЧАПАЕВ

Детство Чапаева

Тяжелое детство выпало на долю Василия Ивановича Чапаева. В боевые годы гражданской войны, раз'езжая на тройке донских лошадей по заволжским степям, чтобы лично раз'яснить бойцам своих непобедимых полков боевую задачу или проверить выполнение приказов, прославленный комдив Чапаев часто с горечью вспоминал о своей безрадостной молодости.

— Детство мое было мрачным, тяжелым, — рассказывал он сопровождавшим его командирам или ординарцам из личного конвоя. — Много пришлось унижаться и голодать. С малых лет мыкался по чужим людям. В школу не ходил: не было одежды и обуви... Так и остался неучем... Вот теперь многие спрашивают: «И как ты, Чапаев, с дивизией управляешься?» А так, что я к этому сам пришел. Через партию, через революцию...

И Чапаев, покручивая русый ус, зоркими глазами вглядывался в далекую дорогу...

Василий Иванович Чапаев родился в 1887 году 28 января в деревне Буданке, Чебоксарского уезда (в теперешней Чувашской республике), в семье крестьянина-мордвина.

Дед его был крепостным. Рассказы деда о бесправной унизительной жизни крепостных с детства заронили в душу Чапаева горячую ненависть к угнетателям и эксплоататорам. Но Василию Ивановичу и самому пришлось очень рано испытать капиталистический гнет.

Отец Чапаева Иван Степанович принадлежал к числу самым бедных буданских крестьян. Его земельный надел достигал всего двух десятин истощенной суглинистой земли. На этом наделе нельзя было прокормить большую семью, состоявшую из 9 человек*, и Иван Степанович ежегодно уходил плотничать в зажиточные села и купеческие волжские города. Однако, заработок на стороне был настолько мал, что его едва хватало на «харчи» самому Ивану Степановичу. В лучшем случае, проработав на Волге целый год, отец Чапаева возвращался к семье с десятью рублями в кармане.

Чапаевы не вылезали из нужды, которая еще более усиливалась в неурожайные годы. Таким годом был и 1897 год. Голод охватил тогда все Поволжье. В деревнях ели лебеду и древесную кору. Люди бросали землю, заколачивали избы и толпами бежали в города, пополняя ряды городской рабочей бедноты. Понятно, что многодетной семье Ивана Степановича пришлось особенно плохо. Спасаясь от голодной смерти, Чапаевы решили уехать из родной Чувашии и переселиться на Волгу в город Балаково, Самарской губернии.

Переезд оказался очень тяжелым, так как голодная семья тронулась в дорогу без хлеба и денег. Схоронив

* Семья Ивана Степановича Чапаева состояла из него самого, его жены, отца, матери и пятерых детей: Михаила, Андрея, Василия, Анны и Григория.

в пути дедушку и бабушку, умерших от истощения Чапаевы все же добрались до Балакова.

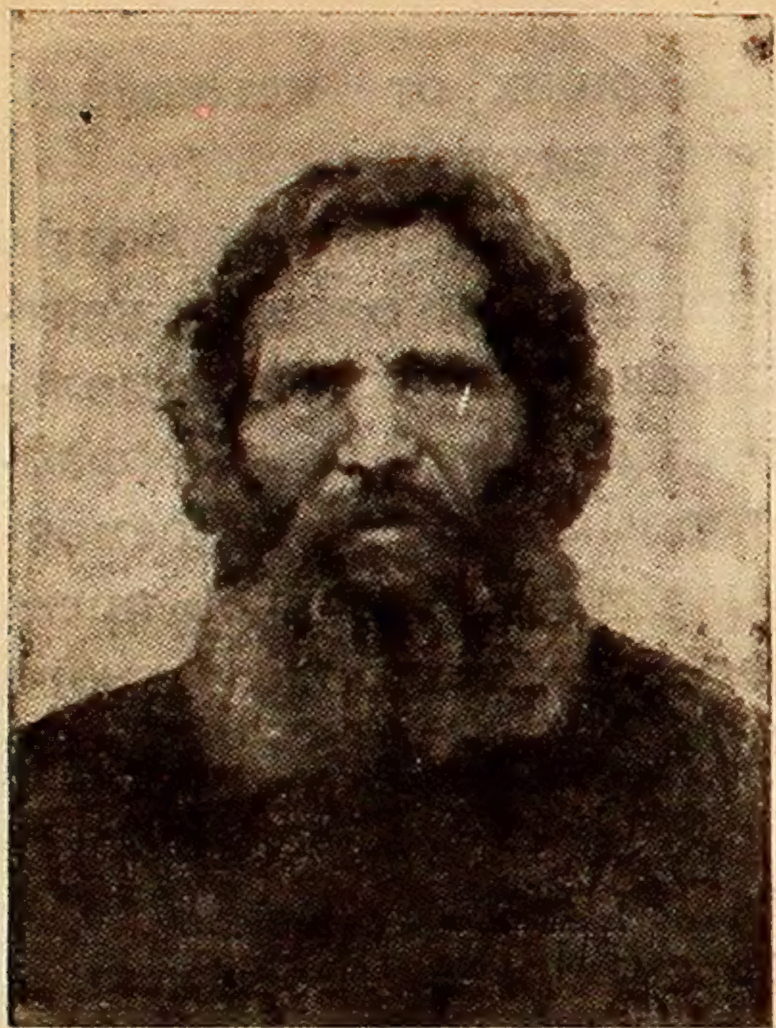
Город Балаково расположен на левом берегу Волги. Это была крупная волжская пристань и один из центров хлебной торговли. В Балакове имелись мукомольные мельницы, рыбные промыслы, махорочные фабрики и большой затон, в котором зимовали и ремонтировались речные пароходы и баржи. Балаково представляло собой одну из крепостей богатого волжского купечества, хищнически наживавшегося на обмане и жестокой эксплоатации трудящихся, на угнетении народов, населяющих Волгу, — чувашей, мордвы, татар.

С переездом в Балаково детям пришлось бросить школу, которую они посещали в Буданке, и искать работу. Вследствие этого Василий Иванович успел выучить лишь одну азбуку.

Двенадцати лет Василий был отдан отцом к купцу в «мальчики». Чапаев работал без платы, за кусок хлеба. Купец обещал Ивану Степановичу сделать из мальчика «торгового человека», то-есть приказчика. Василий служил два года. Первое время он подметал полы, мыл окна в магазине, помогал на кухне стряпухе, носил воду и топил баню для купеческой семьи.

Шустрый, веселый мальчик старательно выполнял всю поручаемую ему работу. Вскоре купец стал «доверять» ему разносить покупки по домам именитых покупателей, а затем поставил и за прилавок. Василий начал торговать. С этого же дня хозяин приступил к «обучению».

Сперва намеками, а затем с грубой откровенностью купец об'яснил великую заповедь «торгового дела»: «не обманешь — не продашь», «не обвесишь — не

Иван Степанович Чапаев, отец Василия Ивановича.

наживешься». Но мальчик вдруг оказался непонятливым. Пряча глаза от хозяина, он отпускал покупателям товар полным весом и полной мерой. Купец сердился и все чаще «поощрял» его подзатыльниками. Но мальчик упорствовал.

Изредка в магазин заглядывал Иван Степанович. Он робко вставал где-либо в сторонке и внимательно следил за тем, как «торгует» его сын. Выждав момент, когда хозяин и старший приказчик отлучались из магазина, он подходил к сыну и не то с упреком, не то с угрозой говорил:

— Не воруй, Вася, будь честен!

После этого он надвигал на глаза фуражку и незаметно уходил из магазина.

Чапаев до конца жизни помнил слова отца.

Убедившись в нежелании мальчика обвешивать покупателей ради его — купеческих — выгод, хозяин не только не назначил ему плату, но даже перестал выдавать одежду. Василию ничего не оставалось делать, как уйти. Вскоре он нанялся «половым» в одну харчевню-чайную. Хозяин чайной положил ему 3 рубля в месяц.

В чайной Василия ожидала еще худшая кабала, чем у купца. С раннего утра и до 2—4 часов ночи, подго-

няемый пьяными окриками посетителей и подзатыльниками хозяина, Чапаев бегал от стола к столу. Домой не ходил: нехватало сил. Спал тут же в чайной, на грязном столе или на полу. В довершение всего хозяин требовал от служащих, чтобы они обсчитывали посетителей — балаковских грузчиков и крестьян, приезжавших в Балаково на базар. Но Василий упорно отказывался воровать, и через год владелец чайной уволил его.

Чапаев опять остался без работы. Целыми днями он бродил по пристани, базару, забегая домой только за тем, чтобы проглотить кусок хлеба. Но и этот кусок был на учете. В семье нужда чувствовалась во всем. Забота о хлебе поглощала мысли отца, матери, братьев и давила на сознание впечатлительного Василия. Тогда в порыве отчаяния он решил наняться к одному старику-шарманщику, не раз уже соблазнявшему Василия жизнью беззаботных бродяг.

Старик-шарманщик видел Чапаева в чайной. Веселый, смышленый мальчик понравился старику, нравился ему и сильный голос Чапаева, и теперь, встречая его на улицах, он стал усиленно звать его с собой. Он рассказывал Чапаеву о богатых волжских городах, о всероссийской нижегородской ярмарке, сулил ему вольную жизнь. Чапаев не устоял перед соблазном.

Около двух лет Чапаев скитался с шарманщиком, подпевая ему песни. Они обошли Самару, Сызрань, Казань, Нижний, бродили по степным хуторам и глухим лесным селам. Немало лишений и издевательств пришлось перенести Чапаеву: ведь над шарманщиком мог посмеяться последний пьяница. Но скитания по России имели и свою положительную сторону: они дали ему возможность познакомиться с жизнью рус-

ского крестьянина и рабочего, пробудили в нем тоску по социальной справедливости.

Через два года, когда бездомная жизнь бродяги опостылела Чапаеву, он неожиданно вернулся в Балаково. С этого времени Чапаев стал помогать отцу и старшим братьям — плотникам.

Плотничьи работы в Балакове производились только весной и летом, когда открывалось движение по Волге. На средства, заработанные в это время, приходилось жить всю зиму. А заработок этот был невелик. Поэтому с наступлением зимы Чапаевы всей семьей уходили в богатые села и казачьи станицы Урала строить дома кулакам и богатым казакам. Вместе с отцом Василий Иванович исходил пешком всю Уральскую казачью область и Самарскую губернию и хорошо изучил эту местность. Впоследствии эти знания сослужили ему большую службу в борьбе с белоказаками.

Годы возмужалости

Чапаевы жили дружно, одной большой семьей. По мере того как подрастали сыновья Ивана Степановича, они друг за другом покидали дом. В 1904 году во время русско-японской войны в солдаты угнали Андрея. Он участвовал в войне, и хотя японские пули пощадили его, погиб в Сибири в революцию 1905 года. Иван Степанович так и не дознался о причинах гибели сына.

Через 5 лет, в 1910 году, в солдаты взяли Василия. К этому времени Чапаев уже женился на мещанке города Балаково Пелагее Захаровой. Нелегко было ему покидать свою семью, но еще труднее привыкнуть к бесправной унизительной жизни царского солдата. Мордобоем, мучительной муштрой и издевательствами старались превратить молодых солдат в «верных слуг царя».

По окончании службы Чапаев опять взял в руки плотничий топор. Но недолго пришлось теперь ему бродить по заволжским степям в поисках работы. Наступил 1914 год. Грянула мировая империалистическая война. Несмотря на то, что у Чапаева уже было трое детей, его призвали в армию в первые же дни мобилизации и отправили на германский фронт в 1-ю армию генерала Ренненкампфа.

В. И. Чапаев с женой.

Солдат Василий Чапаев нес службу «справно», не раз принимал участие в боях, был несколько раз контужен и ранен. Как и все солдаты, Чапаев нетерпеливо ждал окончания ненавистной войны. В 1915 году, после ранения и лечения в лазарете он получил, наконец, отпуск и поехал навестить свою семью. Но война изломала не только его собственную жизнь, но и жизнь семьи. Жена его увлеклась другим. Семейный разлад глубоко потряс Василия Ивановича. Он вернулся на фронт еще до окончания отпуска.

Неудачно сложившаяся семейная жизнь произвела резкий перелом в душевном состоянии Чапаева. Он замкнулся в себе, сделался необщительным, малоразговорчивым. К опасностям фронтовой жизни Чапаев относился с холодным, каким-то вызывающим безразличием. Казалось, что он сам искал смерти.

В этот же период у Чапаева пробуждается большой интерес к книгам. Собственно в это время, в окопах, в моменты затишья на фронте, он и выучился читать

Чапаев знакомится с биографиями прославленных полководцев: Ганнибала, Суворова, Наполеона. Этими книгами фронтовое офицерство охотно снабжало солдат. Но были и другие книги, которые читались тайком. К числу их относились некоторые лубочные издания о Степане Разине, Пугачеве, Чуркине и Гарибальди. В этих книгах Чапаев находил образы героев, выражавших стремления и чаяния широких народных масс. Чапаев невольно отождествлял себя с Разиным, Пугачевым. Он тоже хотел бы повести за собой народные массы против генералов, против купцов, против царя, заживо похоронивших в окопах миллионы трудящихся. Но чтобы Чапаев мог превратиться в народного героя, должна была произойти великая Октябрьская революция.

В конце 1916 года Василий Иванович получил свое последнее ранение в мировой войне и в звании подпрапорщика с двумя георгиевскими крестами и медалью эвакуируется в один из госпиталей города Саратова, где лечится вплоть до февральской революции 1917 года.

Чапаев — организатор Красной гвардии

Революция широко распахнула перед ним дверь. Чапаев увидел, что только в беспощадной борьбе трудовой народ сбросит власть помещика и фабриканта. Он жадно знакомится с программами партий, существовавшими в то время в Саратове.

Бывшему плотнику и малограмотному солдату, которому только за недостатком офицеров фронтовое начальство «пожаловало» чин подпрапорщика, трудно самостоятельно разобраться в сложной политической борьбе. Под влиянием некоторых из своих товарищей Чапаев присоединяется к группе саратовских анархистов-коммунистов. Группа эта была очень пестрой по своему составу. В нее входили местные интеллигенты, учащиеся, были и рабочие. Программа группы не была достаточно четкой, но все сходились на ненависти к старому рабскому прошлому. Размежевание произошло несколько позднее, когда наступили дни решающей борьбы за власть советов, за социалистическую революцию. Во время пребывания в группе саратовских анархистов Василий Иванович уже внимательно прислушивался на митингах к большевикам и всегда поддерживал их во время голосования...

Между тем решающие дни борьбы за власть советов приближались.

В июле в Петрограде рабочие и солдатские массы вышли на улицу с требованием хлеба, земли, окончания войны и передачи всей власти советам. Керенский разогнал демонстрацию и отдал приказ об аресте Владимира Ильича Ленина. Опьяненная своей победой, русская буржуазия пытается задушить всякое революционное движение. Керенский рассылает по городам карательные отряды из юнкеров. В Саратове и Царицыне (ныне Сталинграде) юнкерские карательные отряды производят аресты большевиков.

Василию Ивановичу, активно выступавшему против власти Керенского, оставаться в Саратове было небезопасно. После недолгих размышлений он решил уехать в Николаевск (ныне Пугачевск).

Чапаев не случайно избрал Николаевск. Небольшой город, расположенный в степи вдали от крупных промышленных и политических центров страны, Николаевск имел однако, хотя и немногочисленную, но крепко сколоченную большевистскую организацию. Уездный комитет партии, во главе которого стоял солдат Вениамин Ермощенко, развернул широкую работу среди рабочих и солдат 138-го запасного пехотного полка, расположенного в городе. Солдаты задолго до Октябрьской революции отказались признать правительство Керенского и выгнали из полка всех офицеров.

По приезде в Николаевск Чапаев порывает связь с анархистами и вступает в коммунистическую партию. Этот шаг навсегда связывает его с великой партией Ленина, с революцией, с рабочим классом. Перед Чапаевым открылся один ясный и прямой путь — путь борьбы за диктатуру пролетариата. И Чапаев полностью оправдал доверие николаевской парторганизации, принявшей его в свои боевые ряды.

По желанию Чапаева николаевский уездный комитет партии направил его для работы в 138-й полк. Здесь он сразу попал в родную ему стихию. Солдаты единогласно выбрали его командиром полка. Уездный комитет утвердил его в этой должности.

Василий Иванович отдался великому делу освобождения трудящихся со всей своей страстью и кипучей энергией Он часто выступал на солдатских и рабочих митингах с призывом усилить борьбу с буржуазией. Он доказывал необходимость создания вооруженной силы, которая могла бы дать отпор любому врагу. В своем полку, работая под руководством уездного комитета большевиков, Василий Иванович старался укрепить дисциплину и повысить политическую сознательность солдат.

Работа, проделанная в эти дни николаевскими большевиками, не прошла бесследно. Хотя в момент Октябрьской революции буржуазия сумела с помощью эсеров обмануть широкие трудящиеся массы, захват власти в городе советом являлся только вопросом времени. В декабре в Николаевске состоялся 3-й уездный крестьянский с'езд. 18 декабря крестьянский с'езд провел заседание совместно с советом рабочих и солдатских депутатов. На этом заседании после горячих прений было принято решение разогнать земское собрание и избрать свой уездный совнарком.

Вновь избранный уездный совет народных комиссаров возложил задачу по разгону контрреволюционного земского собрания на Чапаева.

Земское собрание происходило одновременно с совместным заседанием 3-го крестьянского с'езда и совета рабочих и солдатских депутатов. Выступившие на этом собрании эсеры и кулаки призывали к вооруженному

сопротивлению советской власти. И вот в самый разгар заседания к зданию земской управы подходит Чапаев с группой солдат. Он занимает все проходы в здании, расставив часовых. После этого в зал заседания вошли В. Ермощенко и другие комиссары. От имени крестьянского с'езда и совета они об'явили земское собрание распущенным.

Члены земского собрания подняли невообразимый шум. Некоторые из них бросились с кулаками на комиссаров. У окон началась свалка. Затрещали стекла.

В этот момент в зал ворвался Чапаев со своим отрядом. Растолкав членов собрания, он пробрался к президиуму, прыгнул на стол и, выхватив шашку, крикнул:

— Слушайте мою команду! Президиум об'являю арестованным и приказываю ему остаться на месте! Остальным — разойтись!

Буржуазная банда была обезглавлена, но не сломлена.

На следующий день оставшиеся на свободе контрреволюционеры ударили в набат. По этому сигналу на соборной площади — в центре города — собралась огромная толпа белогвардейцев. На площади открылся своеобразный митинг. Выступавшие ораторы призывали перевешать всех коммунистов. Толпа черносотенцев смелела и уже готовилась приступить к расправе. В этот момент на площади появился Чапаев с автомобилем, вооруженным пулеметами. Без всякого предупреждения он немедленно открыл огонь из пулеметов по куполу каменного собора. Этого было достаточно, чтобы защитники Керенского и учредительного собрания разбежались...

Потеряв надежду восстановить свою власть в городе, белогвардейцы перенесли вредительскую работу в глухие села уезда. Они не оставили без внимания и солдат

138-го пехотного запасного полка. Усиление классовой борьбы во всей стране нашло свое отражение в солдатской массе. Кулацкие элементы, не желая, понятно, служить советской власти, дезертировали из полка. По существу полк развалился. Тогда Василий Иванович, являвшийся также военным комиссаром николаевского гарнизона, поставил перед уездным советом народных комиссаров вопрос о демобилизации полка и создании отряда Красной гвардии из рабочих и батраков, бывших в этом полку, но на добровольных началах.

3-й уездный с'езд советов принял предложение, и Чапаев в течение нескольких суток создал отряд Красной гвардии численностью до 800 бойцов. На долю этого отряда и выпала задача подавления многочисленных белогвардейских восстаний в Николаевском уезде.

Первое восстание вспыхнуло в январе 1918 года на границе земель Уральского казачьего войска, в 120 километрах от Николаевска, в крупном кулацком местечке — в Большой Глушице. Восстанием руководили офицеры, эсеры и сыновья местных купцов. Они арестовали членов местного совета, зверски убили многих активистов, а затем об'явили, что район Большой Глушицы не подчиняется советской власти.

По поручению тов. Ермощенко Чапаев направился туда с частью отряда в 400 бойцов.

Январские морозы и бураны не остановили его стремительного движения. Через двое суток отряд Василия Ивановича на рассвете налетом с четырех сторон вошел в Большую Глушицу с небольшой ружейно-пулеметной перестрелкой.

Восстание было подавлено, кулацкие и купеческие сынки побросали оружие. Чапаев не только восстановил советскую власть; самое главное заключалось в том, что как в самой Большой Глушице, так и на всем пути своего движения он создал во всех селах и деревнях красногвардейские отряды и вооружил их оружием, отобранным у фронтовиков — кулацких сынков. Эти отряды явились крепкой опорой местных органов советской власти.

Вслед за Большой Глушицей вспыхнуло кулацко-эсеровское восстание под Самарой в крупном местечке Марьевка, а затем в селах Хворостовка и Большой Луке. Здесь Василий Иванович не ограничился арестами кулацких вожаков. Он наложил также на кулацкое население крупную контрибуцию как деньгами, так и хлебом; хлеб был отправлен Николаевским партийным комитетом питерским и московским рабочим.

9 февраля 1918 года произошло восстание в городе Балаково, где проживали родители Чапаева и его младший брат Григорий.

Григорий Чапаев — участник империалистической войны — вступил в ряды партии большевиков с первых дней революции. По возвращении с фронта он с головой ушел в партийную работу. Восстание 9 февраля 1918 года застало его на посту военного комиссара города.

Балаковское восстание было организовано эсерами — капитаном Растяпиным и прапорщиком Ивановым. По их сигналу в 11 часов дня на базарной площади собралось около 1 000 вооруженных белогвардейцев. Узнав об этом, Григорий Чапаев явился на площадь с группой красногвардейцев. Восставшие сразу же открыли огонь. Григорий Чапаев был тяжело ранен.

Красногвардейцы частью были убиты, частью разбежались. Самого же комиссара Григория Чапаева озверевшее кулачье после зверских пыток убило.

Балаковский совет выслал на помощь Григорию Чапаеву отряд из 20 коммунистов под командой тов. Стучко Засевшие на площади белогвардейцы встретили отряд огнем. Тов. Стучко был ранен, отряд коммунистов рассеялся по домам.

Тогда белогвардейцы захватили здание балаковского совета, арестовав членов совета. Через короткое время в их руках оказался весь центр города. Однако на окраинах, где были расположены мастерские, купцы и кулаки встретили отчаянное сопротивление. Сюда сбежались все коммунисты и рабочие. Они отбили огнем бешеные атаки белогвардейцев и сумели продержаться в течение нескольких дней до прихода помощи.

Когда известие о восстании пришло в Николаевск, тов. Ермощенко 10 февраля направил в Балаково отряд Красной гвардии во главе с Василием Ивановичем Чапаевым.

Надо сказать, что балаковское восстание не было одиноким. В тот же день вспыхнуло кулацкое восстание в селе Березове, куда пришлось направить красногвардейский отряд Топоркова. Этому отряду удалось в ночь на 10 февраля вступить в село, но контрреволюционеры в ночном бою разбили его, а самого Топоркова захватили в плен. Узнав о разгроме топорковского отряда, Василий Иванович решил притти ему на выручку.

По приказу Чапаева отряд выступил форсированным маршем на Березово, с тем чтобы на рассвете 11 февраля атаковать Березово. Несмотря на мороз и тяжелую дорогу, отряд подошел ночью к селу. Вперед

была выслана разведка. Чапаев еще раз напомнил красногвардейцам боевую задачу и на рассвете лично повел отряд в атаку. Цепи молча приблизились к окраине. Здесь красногвардейцы с криком «ура» бросились в село. Удар был настолько неожиданным, что кулаки не успели даже расстрелять Топоркова, которого Чапаев и освободил из кулацкого плена сильно изувеченным.

Переночевав в Березове, Василий Иванович оставил часть отряда в распоряжении березовского совета, а сам 12 февраля утром двинулся в Балаково.

В пути Чапаев встретил отряд Рязанцева, спешившего на помощь балаковским рабочим. Чапаев об'единил под своим командованием оба отряда и 13 февраля приступил к атаке Балакова. Атака велась с двух сторон — с восточной и южной, причем одновременно с отрядами Чапаева выступили и засевшие внутри города вооруженные рабочие под командованием товарищей Захарова Сергея, Шкарбанова, Зубарева.

Белогвардейцы не выдержали дружного удара Красной гвардии и, неся огромные потери, в панике бросились бежать.

Но Чапаев уже не застал своего брата в живых. Коммунист Григорий Чапаев погиб на посту. Несмотря на зверские пытки контрреволюционеров, он умер без единого крика о пощаде, умер, как умирают железные большевики.

15 февраля трудящиеся Балаково с большими почестями хоронили Григория Ивановича Чапаева. Похороны превратились в демонстрацию решимости балаковского пролетариата продолжать борьбу до конца. За гробом Григория Чапаева шли трудящиеся и красногвардейские отряды.

Похороны военного комиссара Григория Ивановича Чапаева.
В центре стоят: И. С. Чапаев и слева от него В. И. и М. И. Чапаевы; крайний справа—Захаров.

В конце февраля 1918 года вспыхнуло новое кулацкое восстание в селе Липовки, послужившее сигналом для выступления врагов советской власти. Кулацкие дружины атаковали местный красногвардейский отряд Шевелева и заставили его отступить в город Духовницкий. Вскоре кулаки захватили всю Липовскую волость.

Тогда николаевский совет опять назначил для подавления восстания В. И. Чапаева, снабдив его чрезвычайно широкими полномочиями.

В приказе, изданном николаевским советом, говорилось:

> «Ввиду возникшего в Липовском районе, Николаевского уезда, явно контрреволюционного восстания, закончившегося убийством некоторых руководителей местных советов, совет народных комиссаров об'являет, что с 1 сего марта, впредь до особого распоряжения, Липовский район **об'явлен на военном положении.**
>
> Для подавления контрреволюционного восстания мобилизуется вся Красная гвардия Липовского района. **Вся власть в этом районе принадлежит военному комиссару Чапаеву, командированному советом для подавления восстания.**
>
> **Все вооруженные силы этого района подчиняются его распоряжениям.**
>
> **Местные общественные и правительственные организации** также обязаны беспрекословно подчиняться всем распоряжениям военного комиссара **Чапаева.**
>
> Неподчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся советской власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск.

Всех виновных в контрреволюционном восстании арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск, а сопротивляющихся и противодействующих расстреливать.

Председатель совнаркома **В. Ермощенко».**

В. И. Чапаев немедленно приступил к выполнению возложенной на него ответственной задачи. Он об'единил под своим руководством все вооруженные отряды Липовского района и в течение десяти суток подавил восстание, восстановив советскую власть и укрепив боеспособность местных красногвардейских отрядов.

В общем за январь — февраль 1918 года отряд Чапаева исколесил вдоль и поперек всю территорию Николаевского уезда. Энергичные смелые марши Василия Ивановича не только терроризировали кулаков, но и воодушевляли все бедняцко-батрацкое население уезда. Трудящиеся убеждались в том, что советская власть и ее Красная гвардия сильны. По призыву партии во всех селах и деревнях Николаевского уезда создавались отряды Красной гвардии. Чапаев вооружал их, назначал командиров и инструктировал красногвардейские отряды, как бороться с кулацкими восстаниями.

Имя Чапаева — организатора отрядов Красной гвардии и верного стража советской власти — сделалось необычайно популярным среди рабочих и трудящегося крестьянства Заволжья. Его знали как неустрашимого талантливого командира, победоносно расправляющегося со всеми контрреволюционерами. Рабочая и крестьянская молодежь стремилась попасть к нему в отряд.

Особую любовь Василий Иванович завоевал у своих боевых товарищей-красногвардейцев и командиров

красногвардейских отрядов. Они ценили в нем его безграничную преданность делу революции, бурную энергию, инициативность, смелость и большой боевой опыт. Чапаев сумел вдохнуть в них веру в победу, передать им свой опыт и воспитать ряд талантливых командиров, с которыми он и проделал весь свой славный героический боевой путь.

Была в Чапаеве и какая-то внутренняя сила, которая невольно располагала к нему всех соприкасавшихся с ним людей, вызывала у них симпатию к нему, заставляла признавать его опыт, его сильную волю.

Как командир Чапаев был очень требовательным. Он требовал от подчиненных точного и беспрекословного выполнения боевых приказов. Но в то же время он был постоянно полон забот о своих частях, об их снабжении, об их отдыхе.

С большой внимательностью относился Чапаев и к нуждам трудящихся. Даже среди боя он находил возможность помогать беднейшему крестьянству тушить пожары, разбирать дела провинившихся красноармейцев и жестоко карать тех, кто имел склонность к грабежу.

Как-то раз Чапаев приказал раздать патроны бойцам. А через пять минут Василию Ивановичу доложили, что один из красноармейцев отказывается брать патроны. Чапаев сам пошел к нему.

— Почему не берешь патронов?

— Тяжело очень... Некуда брать...

— Ну-ка, покажи сумку!

Красноармеец нехотя стал снимать с плеча вещевой мешок. Тогда Василий Иванович взял у красноармейца мешок и развязал. Оттуда к ногам Чапаева вывалились две шелковых юбки.

— Так ты что ж это, сукин сын, захотел Чапаева, его бойцов и дивизию продать белогвардейцам за шелковую юбку? Арестовать его, под суд!..

Такие случаи были единичными, но и они жестоко преследовались в Чапаевской дивизии.

Всю свою личную жизнь Василий Иванович подчинил интересам революции. Еще ко времени переезда Чапаева в Николаевск его жена оставила детей у Ивана Степановича в Балакове и уехала в Сызрань. Тогда Василий Иванович сошелся с крестьянкой села Березова, Николаевского уезда, Пелагеей Каясовой. Она была женой его близкого друга, убитого на глазах Василия Ивановича в мировую войну. Пелагея Каясова имела двух детей, Чапаев трех. Таким образом, семья его выросла до семи человек. Семья гордилась и Чапаевым, и его боевыми товарищами. У него на квартире всегда останавливались приезжавшие в Николаевск красногвардейцы, а впоследствии нередко лежали больные и раненые товарищи, так что с началом гражданской войны его квартира по существу представляла собой и штаб, и лазарет.

В быту Василий Иванович был скромным, чутким товарищем. Он не пил, не курил и несмотря на вспыльчивый характер, не допускал в обращении с близкими грубостей. Товарищей Чапаева всегда поражала его необычайная честность. Лжи, где бы она ни проявлялась — в общественном ли деле или в личной жизни, он не терпел. Если кому удавалось хотя бы раз даже в мелочи обмануть его, это значило навсегда потерять уважение и доверие Чапаева. В денежном и вообще в «материальном» отношении Василий Иванович был до болезненности щепетилен. В 1918 году, когда контрибуции собирались подчас без всякой отчетности, Васи-

лий Иванович при себе никаких ценностей не держал. Он даже не позволял хранить ценности в денежных ящиках отрядов, а всегда стремился все, что не нужно было для ведения боевых действий, — золото, серебро и т. п. — сдавать в республиканское Пугачевское казначейство и обязательно под расписку.

Красная гвардия Николаевского уезда состояла из следующих отрядов:

Духовницкий отряд Баулина около . . . . . . 600 штыков
Липовский отряд Шевелева около . . . . 500 штыков
Горяинский отряд Степанова и Чуркина около 400 штыков
Хлебновский отряд Бубенца около . . . . . . 200 штыков
Новозахаровский отряд Кутякова около . . . . 200 штыков
Сулацкий отряд Плясункова и Топоркова около 600 штыков
Перекопновский отряд Рязанцева около . . . . . 300 штыков
Студенецкий отряд Потапова около . . . . 200 штыков
Семеновский отряд Киндюхина около . . . . . . 200 штыков
Порубежский кавалерийский отряд Сурова около 200 сабель

Кроме того, в распоряжении каждого местного сельского совета имелся свой небольшой отряд в 20—40 бойцов. Оружие и патроны частично нашлись на местах у фронтовиков, но большей частью были получены Чапаевым от рабочих Иващенских заводов, а также от рабочих Саратова.

Впоследствии все эти отряды и послужили основным ядром для сформирования 25-й стрелковой Чапаевской дивизии.

Первый поход на Уральск

Многочисленные кулацкие восстания в селах и городах Николаевского уезда преимущественно носили разрозненный характер. Это были первые вылазки белогвардейщины, которая пыталась прощупать слабые места советской республики и мобилизовать свои силы. В Поволжьи сигналом к организованной борьбе против советской власти послужило контрреволюционное выступление уральского белого казачества.

Область Уральского казачьего войска (ныне входит в Казакскую автономную республику) граничила на северо-западе с тремя губерниями: Самарской (ныне Куйбышевская область), Саратовской и Астраханской (ныне входит в Сталинградскую область).

В Уральской области, как и во всех казачьих областях: Кубанской, Донской, царское правительство создало крупную кулацкую прослойку, которая служила царям опорой в борьбе с «внутренним врагом». Даже в годы империалистической войны, посылая в окопы миллионы трудящихся, царское правительство принимало все меры к тому, чтобы сохранить преданное ему казачество: казачьи полки преимущественно стояли в тылу или же несли полицейскую службу в городах.

Октябрьская революция, лишившая кулаков-казаков всех тех преимуществ, которыми они обладали, вызвала с их стороны звериную ненависть. Скрепя сердце, офицерство и уральское кулачество допустили в городе Уральске организацию совета рабочих и казачьих депутатов. Однако с момента возвращения на родину офицеров и солдат-фронтовиков уральская белогвардейщина перешла к подготовке открытого выступления против советской власти. Здесь, в Уральской области, находят приют помещики, офицеры и другие белогвардейцы, бегущие от советского суда. Как и область войска Донского, Уральская область при первой же возможности наносит удар советской республике.

Застрельщиками выступили илецкие казаки, целиком уничтожившие в начале марта 1918 года самарский отряд Красной гвардии. 29 марта контрреволюционное офицерство и эсеры разогнали в Уральске областной совет и арестовали его членов.

Советская страна в тот момент вела неравную тяжелую борьбу с германскими оккупантами на Украине и многочисленными контрреволюционными выступлениями на окраинах. Поэтому советское правительство не могло выделить достаточных сил для быстрого подавления уральской контрреволюции. В свою очередь рабочие Самарской губернии, граничившей с Уральской областью, подверглись натиску Оренбургского контрреволюционного казачества, руководимого генералом Дутовым. Положение в Самарской губернии усугублялось выступлением эсеров, проникших в Красную гвардию и даже захвативших на короткое время Самару. На первых порах борьбу с Уральской белой армией пришлось взять на себя одному саратовскому совету.

Получив сообщение о разгоне уральского совета, саратовский совет послал вновь образованному уральскому войсковому правительству ультиматум с требованиями: 1) безоговорочно признать власть Совета народных комиссаров верховной властью Российской советской федеративной социалистической республики; 2) немедленно восстановить разогнанный и частью арестованный уральский совет; 3) изгнать пришлый элемент из Уральской области, как-то: контрреволюционное офицерство, буржуазию и помещиков.

Контрреволюционное уральское правительство отвергло ультиматум. Тогда саратовский совет приказал прекратить всякое железнодорожное и телеграфное сообщение с Уральской областью и выделил «Особую армию» для действия против белого уральского казачества. Командующим армии был назначен тов. Загуменный.

С этого момента, то-есть с середины апреля 1918 года, на границе земель Уральского казачьего войска развертываются бои красногвардейских отрядов с офицерскими дружинами уральского белого правительства.

Николаевский уезд, граничивший с Уральской областью, выделил для борьбы с белоказаками николаевскую Красную гвардию, два отряда балаковских рабочих, отряд батраков в 200 штыков, революционные крестьянские отряды Топоркова, Плясункова, Потапова, Баулина, Шевелева и других.

К 20 апреля вооруженные силы уезда сосредоточились в Николаевске. Здесь из них были сформированы два отряда под названием Николаевские советские партизанские, численностью в 600 человек каждый. Один, под командой Чапаева, был составлен из от-

рядов Топоркова, Плясункова, Потапова и других мелких групп. В другой, под командой тов. Демидкина, вошли городская Красная гвардия, рота бывших военнопленных австрийцев, отряд балаковских рабочих и отряды Баулина и Шевелева.

21 апреля Николаевские советские партизанские отряды выступили на станцию Алтата к месту сосредоточения «Особой армии». Отряд Демидкина направился по железной дороге до станций Ершово—Алтата. Чапаев двинулся походным маршем по маршруту хутор Бенардок — станция Алтата.

По пути на Алтата Чапаев столкнулся у хутора Бенардок, принадлежавшего богатому помещику Мальцеву, с казачьим отрядом, прибывшим для расправы с батраками. Чапаев немедленно вступил в бой, разбил казаков и изгнал их с территории Николаевского уезда. 250 батраков из помещичьего имения добровольно присоединились к его отряду.

К концу апреля 1918 года вся саратовская «Особая армия» в количестве 4 тысяч бойцов при 18 орудиях и 110 пулеметах сосредоточилась на станции Озинки (схема 1). В свою очередь уральское белое правительство подтянуло офицерские части к пограничной станции Семиглавый Мар.

1 мая 1918 года красногвардейские отряды перешли в наступление на Семиглавый Мар.

Учитывая высокую подвижность и маневренность казачьей конницы, угрожавшей в первую очередь флангам и тылу, «Особая армия» тотчас же по выходе со станции Озинки приняла особый порядок движения. Для этого отряды «Особой армии» растянулись цепью вдоль линии железной дороги: на правом фланге шел Новоузенский отряд, на левом — отряд В. И. Чапаева,

Схема 1. Район действия 25-й Чапаевской дивизии.

за ними — остальные. Артиллерия и пулеметы двигались в центре при своих отрядах. Такой порядок позволял быстро, без перестроения вступать в бой с казаками; однако он заставлял итти без дорог, что очень замедляло движение. Особенно замедлилось движение отрядов с наступлением ночи: ночная темнота, стрельба казачьих раз'ездов, частые остановки — все это утомляло бойцов, вызывало беспокойство. В. И. Чапаев быстро оценил все неудобства принятого порядка движения и решил несколько уклониться в сторону. Сообщив о своем решении штабу, он двинулся на Семиглавый Мар по горной местности в тыл казакам.

Казаки, сосредоточившие свое внимание на движении главных сил, обнаружили Чапаева только в тот момент, когда он уже спускался с гор на Семиглавый Мар. Боясь окружения, они торопливо отступили к станции Шипово. Благодаря этому «Особой армии» удалось 2 мая занять Семиглавый Мар без боя.

Но в тот же день, в 7 часов вечера, казаки атаковали Семиглавый Мар, красные бойцы отбили атаку. Перед закатом солнца казаки вновь пошли в атаку. Пока было светло, атаки отбивались ружейным и пулеметным огнем, но с наступлением темноты казачьей коннице удалось прорвать цепь и окружить Новоузенский отряд. Тогда Чапаев, который вел бой в 5 километрах от Новоузенского отряда, оставив слабое прикрытие, бросился на выручку. Он прорвал стремительным ударом казачье кольцо и соединился с Новоузенским отрядом. Противник не выдержал натиска и поздно ночью стал отходить.

Утром 3 мая «Особая армия» двинулась дальше. Уже 4 мая Чапаев занял станцию Деркул. Таким образом, части «Особой армии» находились всего в 70 киломе-

трах от города Уральска и, казалось, одним ударом займут сердце уральской контрреволюции. Однако в ночь на 5 мая в положении «Особой армии» наступило резкое ухудшение.

Пользуясь тем, что немногочисленная «Особая армия» не могла оставить крупных сил для охраны захваченных станций, казаки произвели налет на тыл и захватили Семиглавый Мар. В результате «Особая» оказалась отрезанной от Саратова, откуда поступало снабжение и боеприпасы. Казаки усилили нажим. По всей линии железной дороги развернулись жестокие бои. Особенно сильный бой разгорелся с утра 9 мая у станции Шипово. Казаки бросались в атаку через каждые 2-3 часа. Наступила ночь, но бой не утихал. В степи стояло несмолкаемое казачье «ура». К рассвету следующего дня обнаружилось, что части «Особой» израсходовали ночью все запасы патронов и снарядов. Ввиду этого командующий Загуменный отдал приказ об отходе на станцию Алтата

Если при наступлении на Уральск Чапаев всегда находился в авангарде армии, то теперь на него была возложена задача прикрывать отход всей армии. Василий Иванович блестяще выполнил и эту задачу.

Со своим небольшим отрядом он успешно отражал атаки, удерживая во много раз превосходящего по силе врага, так что саратовская «Особая армия» сумела благополучно отойти на линию Александров Гай — Новоузенск — Алтата — Семеновка — Вязовка — Любицкое (схема 1).

Создание Пугачевской бригады

Неудача первого похода тяжело отразилась на положении рабочих и трудящихся крестьян Уральской области и Самарской губернии. Большая часть Николаевского и Новоузенского уездов оказалась в руках белоказаков, приступивших совместно с кулаками к беспощадной расправе с трудящимися. Озверевшая контрреволюционная банда надеялась этим путем восстановить власть помещика и кулака и навсегда подавить революционное движение.

Поражение Красной гвардии и поднявшаяся вслед за этим волна кулацких восстаний заставили рабочих и крестьян еще тверже встать на защиту советов. Во всех волостях и уездах происходили чрезвычайные с'езды, которые принимали решения об усилении вооруженных сил революции. Вскоре была проведена мобилизация членов профсоюзов. Партия посылала в красногвардейские отряды своих лучших сынов. Особые меры принимались партией в отношении организации вооруженных сил. Для этого «Особая» саратовская армия, действовавшая до этого самостоятельно, была подчинена командующему вновь созданного к тому времени Уральско-оренбургского фронта. Вместо тов. Загуменного командующим «Особой армией» был назначен тов. Ржевский. Наконец, разрозненные отря-

ды об'единились в роты, батальоны и полки. Через некоторое время был образован Восточный фронт и «Особая армия» была переименована в 4-ю.

Василий Иванович Чапаев, который на своих плечах вынес все последствия плохой организации вооруженной силы, принял горячее участие в реорганизации партизанских отрядов. Он участвовал на уездном с'езде, выступал на митингах, а 25 мая 1918 года провел в селе Любицком совещание командиров красногвардейских отрядов, на котором сделал доклад о причинах поражения Красной гвардии в первом походе на Уральск. Чапаев убедил присутствующих командиров в том, что мелкие отряды Красной гвардии не сумеют дать победы советской власти, и предложил слить их в батальоны и полки. Авторитет Чапаева был настолько велик, а недостатки существующей организации настолько очевидны, что совещание единогласно приняло предложение Чапаева. В результате красногвардейские отряды Бубенца, Кутякова, Степанова, Чуркина и Кинлюхина влились в отряд Чапаева, составив в целом 2-й полк, а отряды Плясункова, Рязанцева, Потапова и Баулина влились в отряд Топоркова, образовав 1-й полк. Каждый полк был разбит на 3 батальона. В свою очередь оба полка были сведены в бригаду. Командиром бригады весь начальствующий состав избрал Василия Ивановича Чапаева. По предложению Чапаева 1-му полку было присвоено имя Пугачева, а 2-му — имя Степана Разина. Бригада в целом получила название Пугачевской.

Вновь образованная бригада представляла собой серьезную силу. Ее численность достигала 2 700 штыков, 275 сабель, 65 пулеметов, 8 орудий и 1 бронемашина. Вошедшие в бригаду красногвардейские отряды

имели большой опыт борьбы с классовым врагом. Под руководством Василия Ивановича они не раз громили кулацкие банды и белоуральские полки. Красноармейская масса, в большинстве своем состоявшая из рабочих, батраков и трудящихся крестьян Николаевского уезда, знала Чапаева и безгранично доверяла ему. Необычайно большой популярностью пользовался и остальной командный состав. В большинстве своем командиры чапаевских полков состояли из рабочих и батраков, не имевших ни специального военного, ни достаточного общего образования. Однако они сумели на деле доказать свою преданность советской власти, партии и выявить недюженные способности. Среди них оказалось немало талантливых самородков, победоносно руководивших впоследствии полками и бригадами.

Таким был Топорков, бывший батрак, создавший вместе с Плясунковым Сулацкий отряд. Он был смертельно ранен в бою во время второго похода на Уральск в июне 1918 года. Из батраков вышли также Плясунков — командир Сулацкого отряда, а затем Пугачевского полка; он геройски погиб в борьбе с бандами Антонова и Попова в 1921 году; Потапов — командир Студенецкого отряда, а затем командир 3-й бригады 25-й Чапаевской дивизии; Рязанцев — командир Перекопновского отряда, затем командир 2-й бригады 25-й Чапаевской дивизии; Киндюхин — командир Семеновского отряда, затем командир полка; Михайлов — командир 1-й бригады (умер от тифа в Гурьеве в 1920 году) и другие.

Это с ними, при их помощи и поддержке Чапаев создал непобедимую 25-ю дивизию, покрывшую свои боевые знамена неувядаемой славой.

Второй поход на Уральск

После того как «Особая армия» была переформирована и усилена новыми частями, командование приняло решение вытеснить белоказаков из пределов Самарской губернии и нанести им второй удар.

Обстановка в Поволжье к тому времени сильно осложнилась. Помимо уральского и оренбургского казачества, против советской власти в Поволжье выступил новый враг — чехо-словаки. Подняв восстание, они захватили Сызрань, Самару и двинулись на Уфу. Выступление чехов оттянуло к себе силы Красной армии и усилило активность белоуральской армии.

Тем не менее 24 июня командующий 4-й армией отдал приказ о наступлении. 28 июня армия численностью около 10 000 штыков, 1 000 сабель при 225 пулеметах и 30 орудиях выступила на Уральск.

Как и во время первого похода, казаки упорно обороняли каждую станицу, каждый хутор. С тяжелыми боями наши части заняли Семиглавый Мар, Шипово, Деркул, а 5 июля захватили станцию Переметную (схема 1). 6 июля части тов. Чапаева выступили дальше по направлению к Уральску и к вечеру расположились в 5—10 километрах от Уральска.

С приближением Красной армии к Уральску на помощь казакам пришли самарские «учредиловцы» и чехо-словаки. Ко времени подхода Красной армии к Уральску белые получили от них пулеметы, бронемашины и большое количество патронов и снарядов. Кроме того, в Уральскую армию влились новые пополнения и белые партизанские отряды. Вследствие этого с 7 июля бои приняли особенно ожесточенный характер. Казаки вели одну атаку за другой. Наряду с этим они стремились нападать на тылы, причем им опять удалось захватить станцию Семиглавый Мар и прекратить доставку боеприпасов. Части Красной армии попали в тяжелое положение. В то время как белоказаки, щедро снабжаемые огнеприпасами, усилили огонь, красным бойцам приходилось беречь каждый патрон.

И в этот ответственный момент командующий 4-й армией Ржевский, бывший полковник генерального штаба, симулировал болезнь и лег в лазарет. Армия осталась без командующего. Встревоженные командиры частей собрались на совещание. Здесь из доклада начальника штаба и других командиров выяснилось катастрофическое положение армии, оставшейся без патронов, хлеба и к тому же утратившей связь со страной. Дальнейшее наступление было явно бессмысленным. Нужно было восстановить связь с Саратовом и вывести армию из степей. Вследствие того что Ржевский уклонился от командования армией, эту задачу пришлось взять на себя Чапаеву.

Василий Иванович, на которого легло руководство отходом, ясно сознавал трудность обстановки. Армия находилась под угрозой полного окружения. При отступлении на виду у противника белоказаки неизбежно

обрушились бы на армию всей массой. Малейшая ошибка могла привести к тягчайшим последствиям.

Сознавая всю ответственность задачи, за решение которой он взялся, Чапаев тщательно разработал план отхода и решительно стал проводить его в жизнь. По этому плану 9 июля перед наступлением темноты наша артиллерия в последний раз открыла огонь по Уральску. Противник молчал. К 10 часам вечера огонь был прекращен, и части 4-й армии стали бесшумно сниматься со своих позиций. В окопах осталась только конная и пешая разведка, которая продолжала вести ружейный и пулеметный огонь. Ровно в полночь последние полки выступили по направлению к станции Переметной. Скрип колес пулеметных тачанок и шум шагов заглушались усиленной стрельбой прикрывающих рот. Василий Иванович отдал последнее распоряжение, приказав конной разведке минировать железную дорогу, чтобы взорвать бронепоезд белых. С наступлением рассвета из окопов ушли и разведчики.

Всю ночь 4-я армия без отдыха двигалась к станции Переметной. Утром 10 июля войска остановились на привал. Голодные и уставшие бойцы тотчас же заснули. Около 9 часов утра части стали готовиться к дальнейшему движению. Но в это время со стороны Уральска показалась бронемашина противника. Батарея немедленно открыла огонь, однако бронемашина ускорила ход и, двигаясь зигзагообразно, стала быстро приближаться. Обозы, обстрелянные бронемашиной, понеслись галопом вперед. Неуязвимая машина внесла замешательство и в ряды бойцов. Тогда впереди появился Чапаев. Пример бесстрашного Чапаева, спокойно наблюдающего за единоборством батареи и бронемашины, оказал изумительное влияние. Тревога

пропадает. Все бойцы спешат занять свои места. Еще сильнее стараются артиллеристы. И вот снаряды, выпущенные одним из лучших чапаевских артиллеристов тов. Рапецким, легли сзади и спереди машины, взяв ее в «вилку». Следующий снаряд попал в задние колеса, и машина, прикованная к земле, остановилась.

Взятые в плен белогвардейцы сообщили, что бронепоезд в свою очередь наскочил в районе раз'езда Ростовский на динамитный заряд, заложенный чапаевскими разведчиками.

Вслед за бронемашиной на горизонте показались казачьи полки. С этого дня противник остервенело насел на красные части. Армия медленно отходила, отражая все атаки белых. 12 июля 1918 года войска вышли из окружения противника, сумев нанести ему чувствительные потери.

Борьба Чапаева с чехо-словаками

В то время как 4-я армия вела боевые действия против белоказаков в Уральских степях, чехо-словаки, заняв 8 июля 1918 года Самару, начали продвигаться не только на восток в направлении Оренбурга, Уфы и Челябинска, но и на юг, вниз по Волге, в направлении Саратова и Николаевска.

Развертывая с восемью тысячами человек боевые действия на такой огромной территории, руководители чехо-словацких легионов авантюрист Гайда * и капитан Чечик надеялись, с одной стороны, поднять в Сибири восстание кулачества и контрреволюционного офицерства, а с другой — очистить левый берег Волги от частей 4-й Красной армии и захватить Николаевский и Новоузенский уезды, которые являлись базой красных партизан Средней и Нижней Волги.

В случае успеха белые получили бы возможность создать единый фронт контрреволюционного оренбургского, уральского и астраханского казачества и смогли бы влить в свою так называемую «народную» армию

---

* Генерал Гайда – военнопленный чех, фельдшер по профессии. При восстании чехо-словацкого корпуса выдал себя за офицера. За жестокую расправу с русскими рабочими и беднейшим крестьянством адмирал Колчак произвел его в генералы белой армии.

многочисленные кулацко-офицерские дружины, действовавшие в тылу Красной армии.

Бригаде Чапаева, вернувшейся 15 июля 1918 года из второго уральского похода в район Николаевска, измученной многодневными боями и тяжелыми походами, требовался длительный отдых для восстановления сил и возмещения понесенных потерь. Но чехо-словацкие легионы и кулацко-офицерские отряды самарской «учредиловки» не позволили ей передохнуть даже несколько суток.

В этот период времени трудящиеся Николаевского уезда были буквально предоставлены собственным силам. Связь с центром отсутствовала. В тылу повсеместно бушевали кулацкие восстания. С севера наступали чехо-словаки и «народная» армия «учредиловки». С востока двигались полки уральских и оренбургских белоказаков. Этому натиску могли противостоять одни чапаевские полки. И Чапаев вполне сознавал свою ответственность.

Масса требовала от него мудрости, энергии, настойчивости и решительности; рабочие и беднейшее крестьянство требовали победы над врагом. И Чапаев полностью оправдал доверие трудящихся.

В этот период времени Чапаев применяет преимущественно партизанские способы действия. Он даже проводит своего рода мобилизации для пополнения своих частей. К партизанским способам действия, то-есть к самостоятельным действиям без связи с главными силами армии, его вынуждает критическая обстановка на фронте и в момент угрозы захвата противником Николаевска и в момент победоносного шествия чехословаков на Саратов, когда они заняли уже города Балаково и Вольск. И только когда опасность проходила,

Василий Иванович получал возможность действовать по указаниям штаба армии.

В общем, чтобы точно уяснить роль Чапаева в этот период, нужно запомнить, что когда обстановка на

Схема 2. Разгром Чапаевым чехо-словаков под г. Пугачевском 20 августа 1918 года.

фронте была спокойной, тогда Чапаев командовал бригадой, но когда назревали осложнения, грозившие превратиться в катастрофу, Василий Иванович автоматически превращался в командующего войсками.

19 августа 1918 года, после ряда мелких стычек и боев, войска обеих борющихся сторон занимали следующее положение: армия самарской «учредиловки» численностью до 10 тысяч бойцов располагалась в районе Вольска, Духовницкого и Липовки. Против нее действовала Балаковская бригада Шкарбанова, занимавшая линию фронта от села Ливенки до Алексеевки (схема 2).

Группа чехо-словацких легионов капитана Чечика численностью около 3 тысяч человек занимала район Марьевка — Ивантеевка.

1-я Самарская дивизия, в которую с 25 июля вошла бригада Чапаева, прикрывала город Николаевск с востока от уральских казаков, а с севера — от чехо-словаков. Дивизия была разбросана по полкам на очень широком фронте — до 150 километров. В частности кавалерийский полк Сурова занимал село Клопиху, 1-й Пугачевский полк Плясункова — село Порубежку, 2-й Степана Разина полк Кутякова — село Карловку, 3-й Николаевский полк Михалева — село Таволжанку, 4-й Николаевский полк Баулина — село Селезниху. Части вели небольшие разведывательные бои.

Чапаев в это время находился в Николаевске и фактически не командовал бригадой, которая получала боевые задачи непосредственно от штаба дивизии.

20 августа армия самарской «учредиловки» перешла на всем фронте в решительное наступление, отбросив Балаковскую бригаду на левый берег реки Малый Иргиз. В свою очередь чехо-словацкая группа войска капитана Чечика в ночь на 20 августа атаковала одновременно: 4-й полк Баулина в селе Селезнихе и 3-й полк Михалева в селе Таволжанке. Полки, не выдержав натиска, в беспорядке отступили: 4-й полк в село

Г. А. Горбачев, первый комиссар Пугачевской бригады.

Красную речку (Шалаши), а 3-й полк, почти разбитый, через Николаевск в район сел Каменки и Толстовки.

Отход 3-го полка был настолько стремителен, что из Николаевска не смогли выехать не только советские учреждения, но даже местные советские работники. И в середине дня 20 августа 1918 года чехо-словацкие легионы вступили в Николаевск — базу и политический центр дивизии. Местная буржуазия и офицерство встретили «победителей» чехо-словаков с триумфом — с колокольным звоном и с цветами.

В Николаевске начался белый террор: грабеж советских учреждений, расстрелы коммунистов, комсомольцев и советских служащих.

Начальник Самарской дивизии тов. Захаров дал полкам Чапаевской бригады приказ, в котором предлагал 1-му Пугачевскому полку сняться с позиции из села Порубежки, а 2-му Степана Разина полку—из сел Карловка—Рахмановка и форсированным маршем двигаться через село Давыдовку для атаки чехо-словаков, занявших Николаевск.

Командиры полков приступили к выполнению приказа начальника дивизии. В это время в село Порубежку, где был расположен 1-й Пугачевский полк, прибыл из

Николаевска на тройке с группой ординарцев тов. Чапаев. Потеря Николаевска сильно огорчила Чапаева. Он прибыл в свою бригаду взволнованный последними неудачами.

Весть о прибытии Чапаева быстро облетела красные цепи. К штабу 1-го Пугачевского полка стали стекаться не только командиры и бойцы, но и крестьяне. Они хотели своими глазами увидеть своего «Чапая», слава о котором разнеслась по всей Заволжской степи, по всем селам, станицам и хуторам.

Чапаев принял доклад командира Пугачевского полка. Тов. Плясунков доложил Василию Ивановичу, что его полк вторые сутки ведет бой с отрядом чехо-словаков, которые на рассвете захватили переправу через реку Большой Иргиз у села Порубежки и теперь настойчиво стремились занять Порубежку. Если полк, согласно новому приказу, станет отходить на село Давыдовку для лобовой атаки чехо-словаков, захвативших Николаевск, то противник, заметив отход, будет преследовать полк, и тогда может случиться, что не мы атакуем чехов в Николаевске, а они нас в Давыдовке с тыла. Приказ начдива Захарова об отходе на Давыдовку безусловно повредит нам. И Плясунков спросил: «Что прикажете делать, Василий Иванович?»

Чапаев решительно приказал: «Ошибочного распоряжения начдива не выполнять, приступить к боям за возвращение переправы через Большой Иргиз».

Чапаев тут же наметил смелый план, который в случае успеха обещал привести не только к освобождению Николаевска, но и к полному разгрому противника.

По плану Чапаева полки должны были перейти к энергичным действиям. 1-й Пугачевский получил приказ от Порубежки не отходить, а контратаковать че-

хов и захватить обратно переправу через реку Большой Иргиз. А после выхода в тыл чехо-словакам Степана Разина полка совместно с ним атаковать противника в селе Таволжанка.

Между тем полк Степана Разина уже находился на пути в Давыдовку. Гонец, посланный Чапаевым, застал полк на привале в селе Рахмановке. Здесь командир полка Кутяков и получил приказ Чапаева. В приказе Чапаева указывалось, что чехо-словаки, захватив Николаевск, заняли единственную переправу через реку Иргиз — каменную плотину. Так как бродов через реку нет, а правый берег господствует над левым, атаковать чехо-словаков лобовым ударом едва ли представится возможным. Поэтому командиру 2-го Степана Разина полка предлагалось немедленно двинуться через село Гусиху в тыл чехо-словакам, с тем чтобы одновременно с 1-м полком атаковать противника с севера в районе занятого им села Таволжанка и далее наступать на Николаевск.

Решение Чапаева было чрезвычайно смелым и решительным. Многим, находившимся под влиянием побед чехо-словаков, оно казалось невыполнимым. Но воля Чапаева к победе, его огромная уверенность в успехе и безграничная ненависть к врагам рабочих и крестьян зажгли боевым энтузиазмом всех бойцов и командиров. Полки дружно приступили к выполнению приказа.

21 августа Пугачевский полк под руководством Василия Ивановича произвел блестящую демонстрацию, оттянув на себя огонь и внимание противника. Благодаря этому разинцы успешно закончили свой марш-маневр и вышли с севера в тыл села Таволжанки, на расстоянии 2 километров от тяжелой батареи против-

ника, ведущей огонь по Пугачевскому полку. Командир 2-го Степана Разина полка решил воспользоваться удобным моментом и приказал командиру батареи тов. Рапецкому открыть беглый огонь по противнику. Батарея разинцев на полном галопе вынеслась вперед, снялась с передков и прямой наводкой первым же залпом осыпала картечью чешские орудия. Тотчас же, не медля ни минуты, кавалерийский эскадрон и три батальона разинцев с криком «ура» бросились в атаку.

Внезапный обстрел и появление в тылу красных вызвали в рядах противника смятение. Чешские артиллеристы покинули орудия и в паническом страхе побежали в частям прикрытия. Прикрытие не успело приготовиться к бою и было уничтожено вместе с артиллеристами.

Чапаев, лично руководивший в этом бою Пугачевским полком, перешел в лобовую атаку на основные силы противника. В результате ни один солдат противника не спасся. Части бригады Чапаева в этом бою в плен не брали, так как противник расстреливал даже раненых.

К вечеру, когда багровые лучи заходящего солнца озарили поле боя, покрытое трупами чехо-словацких солдат, полки заняли село Таволжанку. В этом бою было захвачено 60 пулеметов, 4 тяжелых орудия и много другой военной добычи.

Несмотря на сильную усталость бойцов, Чапаев приказал продолжать усиленное движение вперед на Николаевск. Около часа ночи полки достигли села Пузанихи в нескольких километрах от Николаевска. Здесь ввиду сильной темноты пришлось задержаться. Бойцам было приказано не оставлять строя. Батальоны

сошли с дороги и встали. Бойцы с трудом боролись с дремотой. Кругом — глубокая тишина. В это время неожиданно с тыла вплотную к цепям под'ехал какой-то обоз. Передние подводы были задержаны лишь в 50 метрах от места расположения артиллерии. К ним подошел командир 2-го батальона полка Степана Разина тов. Бубенец. На вопрос тов. Бубенца один из едущих на передней повозке об'яснил на ломаном русском языке, что он — чехо-словацкий полковник, направляется с полком в Николаевск. Тов. Бубенец встал во фронт, приложил руку к козырьку и сообщил, что немедленно доложит о прибытии «союзников» своему полковнику — командиру добровольческого отряда.

Тов. Бубенец, бывший гвардейский офицер, с Октябрьской революции перешел на службу советской власти и преданно служил делу пролетариата. Вместе с ним в ряды Красной гвардии добровольно вступили и его два брата. Они были взяты в плен учредиловцами и зверски убиты. Бубенец являлся одним из наиболее боевых, смелых, инициативных и решительных командиров. Чапаев, питавший острую ненависть ко всем офицерам, доверял ему во всем.

Сообщение тов. Бубенца подняло на ноги весь полк. В первую минуту никто не мог поверить этой встрече. Но в темноте на дороге, где стояла колонна противника, виднелись горящие папиросы и слышались недоумевающие голоса неприятельских бойцов, пытающихся найти об'яснение неожиданной остановки. Сомнений быть не могло. Минут через двадцать вплотную к противнику было подведено 2 батальона. По сигналу они открыли огонь залпами. Послышались перепуганные голоса чехов. Все смешалось...

К рассвету бой кончился. В утренних сумерках обрисовалось поле боя, тянувшееся вдоль дороги; оно было покрыто трупами чехо-словаков, подводчиков и лошадей.

Полученные в этом бою 40 пулеметов вместе с захваченными в дневном бою послужили основным запасом для чапаевских частей до конца гражданской войны.

Уничтожение полка противника, захваченного в пути, завершило разгром врага. Чехо-словаки, занимавшие Николаевск, в ту же ночь оставили город и в панике отошли через село Селезниху на Богородское. 21 августа 1918 года около 8 часов бригада Чапаева заняла с небольшим боем Николаевск, переименованный по предложению Чапаева в Пугачевск.

В боях под Николаевском Василий Иванович показал высокие образцы военного искусства. Действуя самостоятельно, без связи с главными силами, на свой риск и страх, он сумел дать правильную оценку обстановке. Он не бросил полки по левому берегу реки Иргиз для лобового удара чехо-словацких легионов, занявших Николаевск, а по собственной инициативе смело двинулся по правому берегу реки Иргиз, с тем чтобы нанести удар зарвавшемуся врагу с тыла. Победа, одержанная Чапаевым, сыграла чрезвычайно важную роль. Она непосредственно привела к освобождению Николаевска-Пугачевска — базы Чапаевской дивизии, и города Балаково, так как чехо-словаки, а с их отходом и армия самарской «учредиловки» вынуждены были откатиться к Самаре.

Разгром армии самарской „учредиловки“

В течение августа и в начале сентября 1918 года общая обстановка на фронте 4-й Красной армии весьма осложнилась. Уральская казачья армия, применяя частично партизанские действия, перешла в наступление по всему фронту. Ее неуловимые конные отряды проникали в самый глубокий тыл, нарушая работу советских органов по снабжению и укомплектованию красных частей. Основные силы белоуральской армии вели решительные атаки через Алгай на Новоузенск, вдоль железной дороги на город Саратов, а частью из района Семениха на станцию Рукополь и Пугачевск. Новоузенская дивизия и саратовские, балашевские и пензенские полки с трудом сдерживали напор казачьей Уральской армии, не давая ей возможности подойти к Волге, вплотную к Саратову.

Чехо-словаки, испытав удары чапаевских частей, особого рвения для движения на юг к Пугачевску не проявляли. Вместо них выступила армия самарской «учредиловки», которая к этому времени окрепла. Она действовала очень настойчиво и упрямо двигалась вниз по Волге в направлении на Саратов. В частности правобережная группа войск самарской «учредиловки» в количестве до 4 тысяч человек продвигалась из района Хвалынска в направлении на Вольск.

7 сентября левобережная группа войск «учредиловки» в количестве 6 тысяч человек при 33 орудиях расположилась в селах Ливенка и Орловка (схема 3). Задачей этих войск являлось занять Балаково, чтобы нанести удар по тылу 4-й Красной армии. Чапаев, который вступил во временное командование дивизии, быстро разгадал намерения противника. Казаки и самарские «учредиловцы» хотели взять 4-ю армию в клещи. Необходимо было предупредить противника. Для этого Чапаев решил дать генеральное сражение армии самарской «учредиловки».

Полки 1-й Самарской дивизии к этому времени были разбросаны на 100-километровом фронте. 7 сентября 1918 года Чапаев приказал частям расположиться к 6 часам 8 сентября следующим образом: 1-й Пугачевский, 2-й Степана Разина и 3-й Николаевский полки — в селе Подшибаловке, кавалерийский полк Сурова — в селе Раевке и 4-му Николаевскому полку — оставаться на месте в селе Озинки (схема 3).

Но имеющихся сил было недостаточно. Тогда по обыкновению Чапаев отправился за помощью к рабочим Пугачевска. Вот что рассказывает об этом пугачевский рабочий, один из участников гражданской войны:

«Совместное заседание укома РКП(б) и уика было назначено в помещении укома в центре города в 7 часов вечера. Члены укома и уика стали собираться уже к 6 часам вечера. До заседания оставался еще один час. Вдруг в комнату входит В. И. Чапаев. Всем присутствующим бросился в глаза его серьезный, озабоченный вид и нервные, порывистые движения. Поздоровавшись со старыми товарищами, Чапаев заявил, что у него имеется важное сообщение. Тут же было открыто заседание.

Тов. Чапаев, закручивая по привычке усы, сказал:

— Товарищи, положение на фронте серьезное. Чехословаки сосредоточили под селом Брыковка в 30 кило-

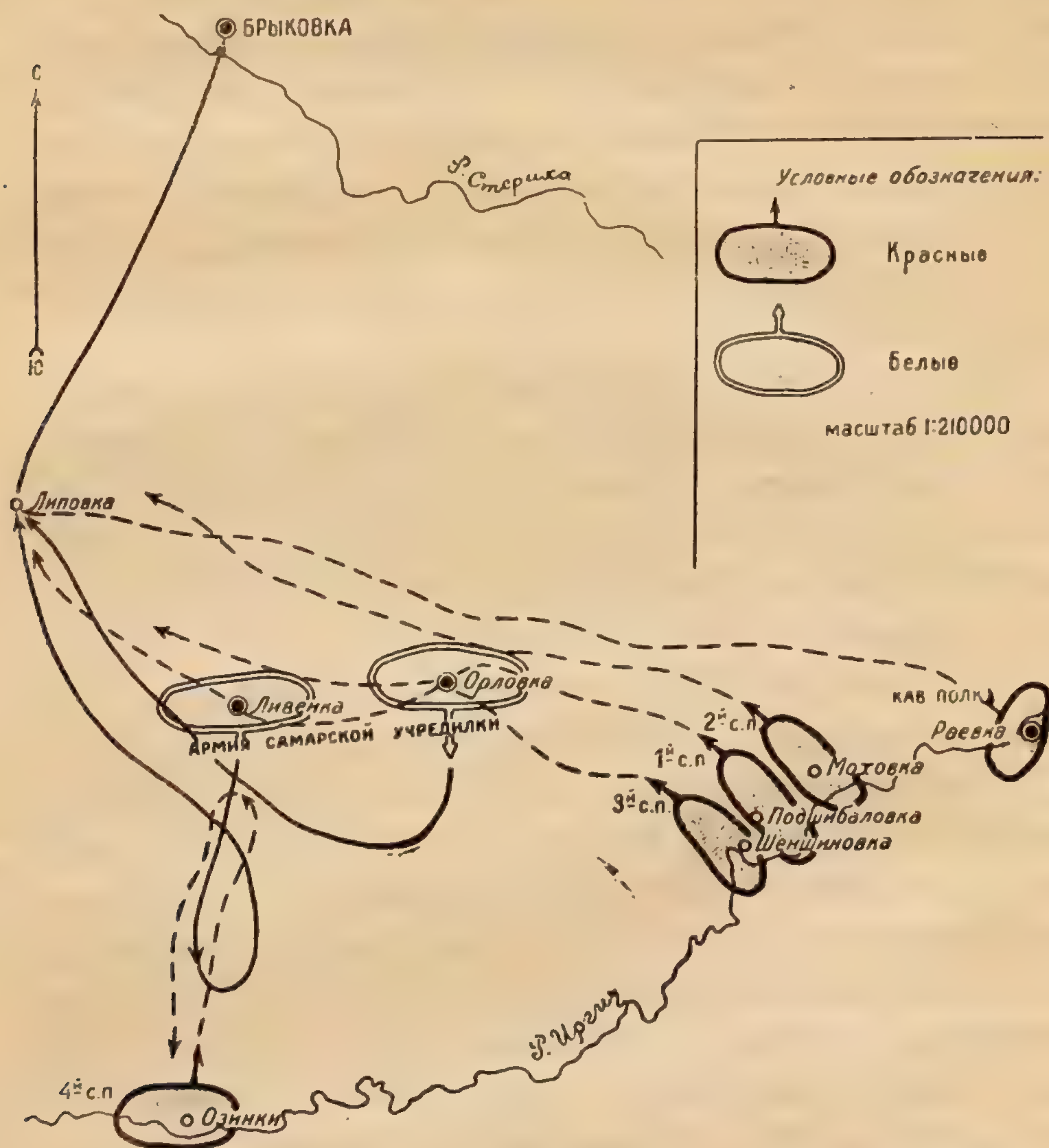

Схема 3. Разгром армии самарской „учредиловки" под Орловкой и Ливенкой 9 сентября 1918 г.

метрах от Пугачевска все свои силы. По имеющимся у меня сведениям численность их достигает 6 тысяч человек, 33 орудий и много пулеметов. У меня тоже око-

ло 6 тысяч человек и 20 орудий. Я хочу дать решительный бой. Но у нас в тылу к селу Корнеевка подходят 2 полка уральских казаков. Если наши части не выдержат, то нам придется отступать до Саратова. Уком должен помочь мне. Я предлагаю сейчас же провести мобилизацию рабочих и отправить их под село Корнеевку. Мне нужен отряд человек в 300.

Предложение Чапаева было принято. Уком тут же выделил членов совета для проведения мобилизации рабочих и назначил командиров этого отряда: тт. Михайлова А., Борисову и Бородина.

Уже через час вся подготовительная работа закончена. К станции бегут группы рабочих с винтовками. К моменту отхода поезда появляется Чапаев. На его лице радостная улыбка.

— Ну, как, — спрашивает он меня, — много собралось?

И тут же, точно спеша, говорит:

— Действуйте твердо здесь. Я дам контрбой чехам, все полки вместе свел.

С вокзала Чапаев выехал прямо на фронт в село Подшибаловку. Здесь он созвал всех командиров на совещание и познакомил их со своим планом разгрома армии самарской «учредиловки». Чапаев поставил 4-му пехотному полку задачу — «выступить ночью 8 сентября из села Озинки и на рассвете 9-го атаковать белых в селе Ливенке. Первый артиллерийский залп 4-го полка по этому селу будет служить для главных сил (то-есть четырех полков) сигналом начала атаки врага, расположенного в селе Орловке».

Главным своим силам — 1-му, 2-му и 3-му пехотным полкам — Чапаев приказал выступить из Подшибаловки 8 сентября в 20 часов для атаки врага, расположен-

ного в Орловке. Началом атаки послужит артиллерийский залп 4-го пехотного полка по Ливенке.

3-й пехотный полк должен был атаковать Орловку с юго-востока, а 1-й Пугачевский и 2-й Степана Разина полки под личным командованием Чапаева — с северо-востока. Кавалерийскому полку Сурова ставилась задача выступить из села Раевки в 18 часов 8-го и нанести удар с севера по тылу белых, расположенных в Орловке.

Рассматривая группировку дивизии, мы должны признать ее образцовой как по своему замыслу, так и по смелости. В самом деле, Василий Иванович оставил одну пятую своих сил, то-есть 4-й пехотный полк, для демонстрации атаки главных сил армии самарской «учредиловки» с фронта, а четыре пятых своих войск сосредоточил на левом фланге армии противника для решающего удара во фланг и тыл врага.

Создать такую группировку и в такой момент операции мог только действительно талантливый, смелый и инициативный командир.

Надо иметь в виду, что это происходило в сентябре 1918 года, когда молодые командиры Рабоче-крестьянской армии еще только овладевали грамматикой военного искусства, еще только по складам разбирали военную науку о ведении крупных боевых действий.

Чапаев вместе с политкомиссаром дивизии московским рабочим тов. Семенниковым, посланным Центральным комитетом партии на фронт, сделал все для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь смелого решения. В беседах с командирами и бойцами Чапаев и Семенников раз'яснили важное значение принятого плана разгрома армии самарской «учредиловки» и сумели внушить веру в победу. В свою очередь коман-

диры частей познакомили красноармейцев с задачами каждой части.

На поле боя Чапаев лично руководил войсками. В ходе развития боя он давал войскам, в зависимости от тех или иных изменений в обстановке, соответствующие дополнительные указания. А такой метод руководства, управления войсками только и может дать победу как в крупном, так и в малом сражении.

Темной сентябрьской ночью главные силы Чапаева скрытно от врага заняли исходное положение для атаки в 5 километрах от села Орловки. Стояла свежая осенняя погода. Части расположились на ночь в ожидании рассвета. Бойцы не курили. Все хранили молчание. Приказания и команда отдавались шопотом, и только пение петухов, изредка доносившееся из села, нарушало мертвую тишину. Легкий утренний морозец пробегал по коже бойцов. Но его не замечали. Такой морозец чувствуешь всегда перед боем даже в самый жаркий солнечный день.

Но вот начало рассветать. Неожиданно где-то вдалеке послышался артиллерийский залп. Это 4-й пехотный полк открыл огонь по селу Ливенке, в котором расположилось до трех тысяч солдат армии самарской «учредиловки». Залп служил сигналом для главных сил Чапаева начать наступление на Орловку.

Командиры полков и батальонов проскакали верхами по своим цепям. Послышались тихие, но властные команды ротных командиров: «Встать. Равняйтесь по передним. Вперед, на огни села Орловки!»

Прошло еще полчаса. Двенадцать дивизионных орудий дали артиллерийский залп по Орловке. Через не-

сколько минут над цепями пролетели ответные снаряды, разрываясь где-то в районе наших артиллерийских позиций.

Цепь красных бойцов сразу ожила. Теперь хранить тишину нет смысла. Десятки пулеметов белых и красных открыли огонь. Трескотня и шум боя слились в общий гул.

4-й пехотный полк бросился в атаку на Ливенку. Но тут произошел тяжелый случай измены со стороны сорока кулаков-бойцов 4-го пехотного полка, мобилизованных в селе Брыковке. Когда цепи полка стремительно бросились на противника, они открыли предательскую стрельбу по своим командирам. Красные бойцы, увидев, что их командиры в большинстве своем перебиты и ранены, пришли в замешательство и стали в беспорядке отходить на село Озинки. Белые их энергично преследовали до реки Малый Иргиз. 40 изменников перешли на сторону врага.

Однако этот успех не мог помочь «учредиловцам». Василий Иванович лично вел в атаку то пехоту, то конницу. Под ним убили коня. Но Чапаева трудно остановить. Он наносил удар за ударом. Наконец, белогвардейцы не выдержали и начали в панике отходить на Ливенку.

Наученный горьким опытом борьбы с уральским казачеством, Чапаев знал, как преследовать врага. Он заставил все свои три пехотных полка бежать бегом, а кавалерийский полк Сурова бросил в тыл ливенской группе противника, которая преследовала 4-й пехотный полк.

На плечах бегущего противника Чапаев ворвался в село Ливенку, выйдя тем самым в тыл ливенской группе противника. Последняя, узнав о разгроме своего

орловского отряда, бросилась бежать на село Липовку, пробивая себе дорогу штыком.

Василий Иванович, невзирая на усталость своих бойцов, подбадривая их личным примером и ласковыми словами, двинул все четыре полка на Липовку, в которой белогвардейцы начали было приводить свои части в порядок и укрепляться на южной окраине села. Чапаевцы, невзирая на огонь врага, штыками взяли и Липовку. Белогвардейцы в третий раз обратились в бегство.

9 сентября 1918 года в 20 часов 30 минут Василий Иванович доносил с поля боя командующему 4-й армией об этом сражении:

> «Доношу, что бой под Орловкой и Ливенкой закончился полным разгромом врага. Участвовало четыре стрелковых полка и один кавалерийский полк тов. Сурова.
>
> Противник потерял убитыми до тысячи человек, 250 подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок. В этом бою смертельно ранен вновь назначенный командир 2-го полка тов. Курсаков. Убит помощник командира 3-го полка Чуркин и командир батальона этого же полка.
>
> После боя под селами Орловкой и Ливенкой противник занял село Липовку, откуда был выбит и бежал в село Брыковку.
>
> **Чапаев».**

Разгром белых под Орловкой резко изменил положение на фронте не только на левом, но и на правом берегу Волги. Армия самарской «учредиловки», действовавшая на саратовском направлении, с поражением своих соседей на левом берегу Волги в районе Ливенки прекратила наступление. Ее действия стали вя-

лыми и неуверенными. Частям 4-й армии удалось даже выбить белых из района Воскресенки.

Разгром «учредиловцев» сказался и на действиях Уральской казачьей армии. Узнав о поражении своих союзников под Орловкой и Ливенкой, Уральская казачья армия прекратила свои настойчивые атаки на Новоузенск и станцию Алтата и отошла из района станции Рукополь в район Жестянки.

В общем в бою под Орловкой Чапаев вырвал инициативу из рук армии самарской «учредиловки». Чехи и «народники» понесли крупные потери. Это дало возможность частям 4-й Красной армии успешно провести в дальнейшем операцию по занятию Самары, являвшейся политическим и военным центром «учредиловки».

Еще больше сказался разгром на классовом соотношении сил. С этого момента мобилизованное в белую армию самарской «учредиловкой» крестьянство, колебавшееся и не сознававшее еще своих классовых интересов, окончательно теряет веру в руководителей «народной» белой армии. Крестьянство начало бросать оружие, разбегаться или целыми селами вступать в ряды Красной армии.

Белая армия очутилась на краю полной гибели. Нередко были случаи, когда казачьи части арестовывали своих офицеров и организованным порядком переходили на сторону красных. Большой популярностью пользовались листовки и воззвания, распространяемые среди белых политорганами Красной армии. Листовки зачитывались казаками до дыр. Немало обманутых белогвардейских солдат узнало из этих листовок правду о классовой борьбе.

Бой под Таловой

Василий Иванович руководил 1-й Самарской дивизией временно до 18 сентября 1918 года, после чего опять вступил в командование своей бригадой.

19 сентября в Пугачевск приехал народный комиссар по военным и морским делам Троцкий в сопровождении двух бронепоездов и бронеотряда. Троцкий приехал не для приветствия войск, а для расправы и наведения, как он любил выражаться, «порядка», чтобы выжечь каленым железом «партизанщину» как у самого Чапаева, так и у его частей.

Чапаевцы не могли понять, в чем заключалась их «партизанщина». Разве только в том, что части Чапаева и сам Василий Иванович, не жалея собственной жизни, преданно и победоносно защищали советскую власть.

20 сентября Троцкий вызвал к себе в поезд для доклада тов. Чапаева и всех командиров. Окружавшие Троцкого бывшие офицеры царского генерального штаба с усмешкой поглядывали на Чапаева и его сподвижников. Троцкий и его генералитет искали повода для снятия с постов командиров, вышедших из низов народных масс. Чапаеву и его сподвижникам пришлось доказывать, что они не «партизаны», а преданные

бойцы партии и советской власти, что занимаемые ими командные должности в 4-й Красной армии получены ими не случайно, что они хотя и не имели в прошлом офицерских чинов, но победоносные бои с белыми и чехо-словаками вести умеют.

Разговор длился около 4 часов, но ни к чему не привел. Генералитет Троцкого остался при своем мнении. Он считал необходимым снять с должностей как самого Чапаева, так и его командиров, а на их места поставить мобилизованных офицеров и генералов. В результате Чапаев был назначен командиром слабой бригады, носившей название «2-я Николаевская дивизия». Дивизия состояла всего из двух не вполне боеспособных полков (Балаковского и Пензенского). Чапаев решил доказать, что он — не «партизан», что он умеет точно выполнять приказы, и поэтому согласился принять предложенную ему «дивизию».

На следующий день был назначен парад пугачевского гарнизона, в котором приняли участие все раненые и больные бойцы дивизии, а также снятые с фронта полки: 2-й Степана Разина и кавалерийский Сурова. Парад состоялся на соборной площади в точно указанное время — в 12 часов дня. Войсками парада командовал Чапаев.

За полчаса до приезда на парад Троцкого два бронепоезда, стоявшие на станции Пугачевск, повернули дула орудий на площадь. К этому же времени на площадь прибыл отряд бронемашин, окруживших со всех сторон бойцов дивизии. Отряд личного конвоя Троцкого, вооруженный с ног до головы, встал против полка Степана Разина.

Бойцы Чапаевской дивизии и сам Василий Иванович хорошо поняли, против кого принимаются эти предо-

хранительные меры. Чапаевцы видели, что Троцкий смотрит на них не как на преданных бойцов советской власти, а как на бандитов. Но они молча снесли эту обиду. Победа революции — вот что было им дороже всего.

Из этого эпизода видно, что Троцкий не только не ценил Чапаева как полководца, но силой своего положения всячески мешал росту, продвижению этого замечательного талантливого самородка, вышедшего из низов трудового народа. Троцкий хотел тем или иным путем отстранить от руководства дивизией Чапаева, этого мужественного и бесстрашного борца за советскую власть. Но ему не удалось осуществить своего замысла. Пришел человек — подлинный революционер-большевик и гениальный полководец, который сумел сразу оценить Чапаева.

Это был Михаил Васильевич Фрунзе.

По окончании парада части простились со своим любимым командиром и ушли на фронт. Сам Чапаев уехал принимать Балашевский и Пензенский полки, взяв с собой часть командиров.

По прибытии в Николаевскую дивизию, расположенную восточнее Пугачевска, Василий Иванович развил кипучую деятельность. Он проверил состояние полков, их вооружение, провел совещания с начальствующим составом. На общих полковых собраниях Чапаев указывал бойцам и командирам на имеющиеся в полках недостатки. Большое внимание Чапаев уделял укреплению войсковой дисциплины, повышению боевой подготовки и подбору проверенного командного состава. Вследствие отсутствия конницы Чапаев создал из своего личного конвоя кавалерийский полк имени Гарибальди, назначив командиром полка тов. Бубенца.

И. Бубенец, И. Кутяков, В. Чапаев и первый комиссар 25-й Чапаевской дивизии А. Семенников.

В результате к 25 сентября 1918 года к моменту начала наступления 4-й армии на Самару боеспособность дивизии поднялась настолько, что она смогла провести очень тяжелую и ответственную операцию.

При наступлении на Самару на дивизию Чапаева была возложена весьма ответственная задача: прикрытие тыла и левого фланга всей 4-й армии от уральских казаков, причем Чапаеву было приказано не просто обороняться со своими двумя полками, а наступать на Уральск. Эта задача, безусловно, являлась непосильной для слабой дивизии, но Василий Иванович, беспрекословно выполняя приказы штаба армии, решительно двинулся на восток через селения Вязовка, Карловка, Солянка на Уральск.

Его энергичные действия вынудили белое командование бросить на Николаевскую дивизию едва ли не всю белоказачью армию. Начались затяжные кровопролитные бои. Дивизия Чапаева все время находилась в окружении огромных конных масс казаков. Несмотря на это, Чапаев неуклонно двигался вперед и занял деревню Таловую в двух переходах от Уральска. Видя, что дивизия Чапаева непосредственно угрожает Уральску, белое командование решило окружить и уничтожить ее. Главные силы 4-й армии, двигавшиеся на Самару, были оставлены в полном покое. В течение всей этой операции казаки ни разу не атаковали не только фланга, но и тыла 4-й армии, что позволило 1-й бригаде Кутякова рано утром 7 октября 1918 года занять Самару. Армия самарской «учредиловки» была окончательно разгромлена. Полки ее, побросав оружие, разбежались. После этого она навсегда прекратила свое существование. Чехо-словацкие легионы отступили к Уфе, заняв фронт по реке Белой.

Однако дивизии Чапаева пришлось вести тяжелый неравный бой. В ночь с 12 на 13 октября 1918 года в районе деревни Таловой ее окружили главные силы Уральской казачьей армии под командованием генерала Мартынова. В состав группы войск Мартынова входили 3 600 штыков, 1 200 сабель при 77 пулеметах и 14 орудиях.

С утра 13 октября казаки под прикрытием сильного артиллерийского и пулеметного огня повели наступление с двух сторон четырьмя конными полками. Пензенский и Балашевский полки Николаевской бригады стойко отражали нападение противника. Гарибальдийский кавалерийский полк занимал возвышенность у хутора Каневского, обеспечивая левый фланг Пензенского полка.

Бой длился в течение всего дня. С наступлением темноты стрельба по всему фронту затихла. За ночь генерал Мартынов подтянул свою пехоту и утром возобновил наступление более значительными силами.

До 12 часов дня успех был на стороне Чапаева; его части отбивали все атаки белых. К вечеру к белым подошли еще 4 полка. С прибытием подкрепления огонь противника усилился. Белые наступали все настойчивее и настойчивее. Вечером они повели атаку на Балашевский полк. Красные бойцы стреляли беспорядочно. Темнота и все усиливавшийся нажим белых отражались на настроении бойцов. На участке Балашевского полка несколько раз вспыхивала паника. К 22 часам казаки заняли ближайший хутор и оттуда начали простреливать весь тыл Балашевского полка. Полк откатился на новую позицию.

Стрельба продолжалась всю ночь. Утро 16 октября не принесло облегчения. С рассветом казаки повели новое

наступление. Особенно сильно нажимали они на Пензенский полк, окопы которого 5 раз переходили из рук в руки. Но присутствие Чапаева, отвага и бесстрашие, проявляемые им, вливали в сердца бойцов твердую уверенность в победе. К наступлению ночи Пензенский полк сумел окончательно закрепить за собою окопы.

В течение 16 октября чапаевские части израсходовали почти все патроны и снаряды. Настроение бойцов понизилось. Сам Чапаев раз'езжал по цепям с угрюмым, сосредоточенным лицом. Полевая радиостанция, упорно старавшаяся связаться со штабом армии или соседней 22-й дивизией, чтобы попросить помощи, никакого ответа не получала.

16 октября был особенно тяжелым днем. Дивизия понесла большие потери. Голодные, измученные бойцы почти валились с ног. В довершение всего противник в ночь на 17 октября открыл сильный артиллерийский огонь по деревне Таловой, где находились батареи и обозы. Огонь белых заставил обозы переезжать с места на место. От зажигательных снарядов загорелись скирды с хлебом. Люди бросились тушить пожар, но при их появлении казаки открыли беглый огонь. Пожар быстро разрастался, перебрасываясь на соседние дома.

По приказанию Чапаева все мужское население приступило к тушению огня. Несмотря на обстрел, пожар удалось затушить.

Наступил рассвет. Над деревней висела удушливая гарь. Улицы и дворы были завалены трупами обозников и искалеченных лошадей и поломанными повозками.

На окраинах велась редкая ружейная перестрелка. Красные бойцы, понимая, как важно беречь огнеприпасы, экономили каждый патрон. Иногда из окопов

белоказаков доносились насмешливые голоса: «Сдавайтесь, выдавайте своих командиров, комиссаров и коммунистов».

Бойцы отвечали на эти предложения метким огнем.

Василий Иванович Чапаев, упрямо отсиживавшийся в полном окружении, принял, наконец, решение об отходе в Пугачевск. Он созвал командиров на совещание и здесь сообщил о своем решении. Командир Гарибальдийского кавалерийского полка тов. Бубенец спросил: «А если теперь не прорвемся, Василий Иванович, что тогда будем делать?». Чапаев резко ответил: «Или погибнуть, или во что бы то ни стало прорвать фронт».

Командиры молча согласились с решением начальника.

По приказу тов. Чапаева основная задача по прорыву была возложена на кавалерийский полк.

В 3 часа 18 октября кавалерийский полк приступил к выполнению своей задачи. Лихим налетом он ворвался в хутор Каневский, занятый противником. Здесь произошла рубка. На поддержку коннице выступил Пензенский полк. Отбивая атаки наседавшей на него пехоты противника, неся большие потери от ее огня, он достиг, наконец, хутора.

За Пензенским полком выступил Балашевский. Остатки дивизии, с большим трудом отбиваясь от казаков, медленно выползали из вражьего кольца. Ничто уже не могло остановить их движения Благодаря умелому руководству боем и личной храбрости Чапаева, дивизии удалось, хотя и с большими потерями, прорваться к Пугачевску.

Чапаев в Академии генерального штаба

В ноябре 1918 года штаб 4-й армии направил тов. Чапаева в Академию генерального штаба в Москву. Василий Иванович поехал в Академию неохотно.

Этот неутомимый боец и страстный революционер считал себя обязанным быть там, где бушевал пожар великой гражданской войны. С прибытием в Академию он еще сильнее затосковал по своему делу и своим боевым товарищам. Его тяготила и атмосфера, господствовавшая в то время в Академии. Между старой профессурой — генералами старого генерального штаба — и слушателями Академии, не имеющими достаточного общего образования и военно-теоретических знаний, существовала скрытая вражда. Часть профессоров генерального штаба относилась к своим малограмотным тридцати-сорокалетним ученикам свысока и порой не стеснялась высказывать презрение.

Для Чапаева такая учеба была почти бесцельным времяпровождением, и поэтому он начал настойчиво добиваться откомандирования на фронт. В январе он обратился к члену реввоенсовета 4-й армии тов. Линдову с письмом, в котором горячо просил помочь ему вернуться на фронт.

Много уважаемому
Товарищу Линдову

Прошу вас покорно ото
звать меня вштаб 4 арми
накакую небудь должность
Командиром или комисаром
влюбой полк так что я
преподавания Академии мне
неприносит некакой пользы
Что преподают я это прошол
напрактеки вы знаете
Что я нуждаюсь в общем обра
зовательном цензе которой
здесь я неполучаю
И томится понапрасно в сте
нах я несогласен это мне кажи
тся тюрмой и прошу еще покорн
неморить меня в такой неволи
Я хочу работать а нележать
и если вы меня неотзовете
я пойду к доктору которой
меня освободит и я буду
лежать безполезно но я хочу
работать и помогать вам
если вы хотите чтобы я
вам помогал я судовольствием
и буду к вашим услугам

Так будьте любезны
вы выведети меня из этих
Каменых стен

Уважающий вас
Чапаев

Снимок с письма Чапаева члену РВС 4-й армии тов. Линдову.

На это письмо тов. Линдов сообщил, что вопрос об откомандировании Чапаева может решить только Реввоенсовет Республики.

Наконец, после трехмесячного пребывания в стенах Академии генерального штаба, в начале февраля 1919 года, Чапаеву удалось получить разрешение отбыть на Восточный фронт опять в 4-ю армию, которой в это время командовал Михаил Васильевич Фрунзе. В середине февраля 1919 года он прибыл в Самару в штаб 4-й армии.

Тов. Фрунзе только что вернулся с Уральского фронта. О подвигах Чапаева, его решительности и героизме Михаил Васильевич Фрунзе за это время много слышал от бойцов чапаевских полков, которые только что взяли город Уральск, политический центр казачества, и вели кровопролитные бои за обладание городом Лбищенском.

Тов. Фрунзе, уделявший большое внимание сколачиванию боеспособных частей и подбору талантливых опытных командиров, назначил Чапаева командиром Александро-гайской бригады, а комиссаром к нему — тов. Фурманова. Александро-гайская бригада, сформированная из трудящихся Заволжья, стояла в районе Александров-Гай. До назначения Василия Ивановича ею командовал старый полковник. Бригада действовала очень нерешительно и малоуспешно. Она преимущественно оборонялась, терпя при этом поражения от постоянных налетов и рейдов чижинских белых казачьих партизан.

Михаил Васильевич Фрунзе поставил Чапаеву задачу овладеть районом станицы Сломихинской, после чего продолжать наступление на Лбищенск, с тем чтобы угрожать с тыла главным силам противника.

В. И. Чапаев с группой командиров перед своим от'ездом в Академию

Сидят слева направо: Долгушев, Бубенец, Чапаев, Чеков и Туркин. Стоят: слева—Попонов, справа—Чеков-сын.

Получив эту задачу, Чапаев решил заехать в Уральск, чтобы лично договориться о ее выполнении. Приезд Чапаева в Уральск явился полной неожиданностью для всех его боевых товарищей. Уже через несколько часов собрались все бывшие соратники Чапаева. Некоторые прибыли прямо с поля боя, чтобы повидать своего любимого командира.

Василий Иванович с увлечением рассказывал о Ленине, которого он видел на митинге. Много рассказывал он и об учебе в Академии. Особенно дружный смех вызвал рассказ Чапаева об экзамене по военной географии. Профессор-генерал в старом генеральском мундире без погон и крестов, хотя на мундире и были еще видны следы от них, задал Чапаеву вопрос: «Скажите, слушатель, какое стратегическое значение имеет река Неман?». — «А вы, профессор, скажите мне, какое оперативное значение имеет река Солянка?» — спросил его Чапаев. Профессор усмехнулся: «Такой реки нет. Я преподавал географию еще в старой николаевской академии и вашей Солянки нигде не встречал».

И он опять повторил свой вопрос. Тогда Василий Иванович ответил, что реку Неман он знает, так как на ней был ранен и несколько раз контужен в мировую войну, а на реке Солянке, которая протекает на границе земли Уральского казачьего войска, он весь 1918 год вел бой с казаками, и она имеет громадное оперативное значение в борьбе с уральским казачеством.

Чапаевцы в свою очередь рассказывали о последних боях с белоказаками...

Дружеская беседа длилась далеко за полночь. Наконец, соратники Чапаева задали ему вопрос: «Чему же все-таки ты научился, Василий Иванович, в Академии?».

Чапаев улыбнулся: «Чему, собственно, можно научиться за три месяца? Очень малому. Скажу прямо — топографию выучил. Теперь я могу из десятиверстной карты сделать верстовку и двухверстовку, чего вы не сумеете сделать».

Чапаев задумчиво умолк, но вдруг он приподнялся и с горячим убеждением проговорил: «А все же, ребята, Академия — это великое дело». А еще через несколько дней Чапаев, сам лично, отобрал пятнадцать лучших командиров и послал их в Академию. Он послал в Академию командира полка Чижова и других.

27 февраля Чапаев выехал из Уральска в Александров-Гай через Новоузенск. По прибытии к месту расположения бригады Василий Иванович немедленно посетил все полки и батальоны, ознакомился с командным составом, провел ряд совещаний. Бойцы бригады хорошо знали Чапаева. Многие из них принимали участие в походах на Уральск. Один приезд Чапаева внушил им уверенность в победе.

Большую помощь в политической подготовке бригады, в поднятии сознательности бойцов оказал Чапаеву комиссар Дмитрий Фурманов. До приезда в армию Фурманов работал среди иваново-вознесенских ткачей. Посланный на фронт партией, Фурманов привез с собой дух большевистской организованности и дисциплинированности. В его лице Чапаев нашел помощника, который хорошо знал нужды и интересы рабочих масс, а главное, имел большой опыт политической работы.

В первое время Чапаев относился к Фурманову с недоверием. Он еще не изжил тогда свойственного некоторым партизанам-командирам предубеждения

против людей, впервые попадающих на фронт. Однако очень скоро Чапаев изменил свое отношение к Фурманову.

Сперва Чапаев, своими пытливыми и умными глазами будто проверял Фурманова на каждом шагу. Он молча и пристально вглядывался в каждое движение комиссара. Потом он будто нехотя начинал разговор, предварительно задав ему несколько вопросов о коммунизме, о коммунистической партии, о мировой революции, о какой-нибудь речке, где происходили жаркие бои, о знаменитых полководцах и о своих односельчанах. Получив ответ, Чапаев подсаживался к комиссару поближе и еще с большей пытливостью расспрашивал Фурманова и жадно слушал. Казалось, что Чапаев отыскивает в нем то, что ему так дорого и так необходимо.

И Чапаев не ошибся. Он нашел в нем то, что искал. Он полюбил его.

... Нужно сказать, что партийная работа в Чапаевской дивизии в 1918 г. несколько отличалась от партийной работы в 1919 г. Она проводилась, главным образом, через основной костяк партийцев (3—5 коммунистов в роте) по персональным заданиям. В 1918 г. специально партийные собрания устраивались редко, если не сказать больше. В начале 1919 г., с приездом Фурманова, при подиве оформились ячейки. Фурманов взял на учет коммунистов, проверил их партийные документы и оформил организацию. С этого момента политическая работа и партийная жизнь поднялись на более высокую ступень. Такие партийцы, как тов. Бубенец, который участвовал во взятии Зимнего дворца и неоднократно слушал на митингах выступления В. И. Ленина, такие товарищи, как Горбачев

В. И. Чапаев в бытность его командиром Алгайской бригады.

и др., — являлись прекрасными проводниками партийной работы в дивизии.

Коммунист являлся примером в бою. Коммунист был смелым, отважным и непоколебимым борцом за советскую власть. Коммунистов проверяли, как и теперь, не по их словам, а по их делам. А дело решалось тогда на передовых позициях в бою. За это красноармейцы любили коммунистов и, заражаясь примером, сами рвались вперед в бой.

15 марта 1919 года бригада перешла в наступление и одним ударом заняла 16 марта станицу Сломихинскую, где был расположен штаб полковника Бородина, отбросив его части за Чижинские озера.

Взятие станицы Сломихинской оказало огромное влияние на положение противника. Уральская казачья армия, потерпевшая поражение под Уральском, Лбищенском, который был занят 1-й бригадой Кутякова, и Сломихинской, начала разлагаться. Победы, одержанные 4-й армией под руководством тов. Фрунзе, деморализовали даже самых заядлых контрреволюционеров. И если противник все же избежал полного уничтожения, то этим он был обязан весенней распутице, препятствующей действиям 4-й армии, и победоносному шествию колчаковских полчищ, находившихся в это время на пути к берегам Волги.

Против Колчака

Колчак двигался широким фронтом на Пермь, на Казань, на Самару. Уже была потеряна Уфа. Под ударом находились Самара и другие крупные волжские города. Удар, наносимый Колчаком, явно нацеливался на Москву. Полуторастатысячная колчаковская армия, ломая сопротивление красного фронта, грозила опрокинуть красные полки в Волгу. Потребовалось напряжение всех сил партии и рабочего класса, чтобы остановить катастрофическое движение Колчака.

На колчаковский фронт спешно перебрасывались рабочие полки. День и ночь к фронту подходили эшелоны с красноармейцами, со снаряжением, с патронами. Основной ударный кулак готовился в Бузулукском районе. Здесь сосредоточивается 25-я дивизия с задачей нанести лобовой удар по Колчаку и совместно с другими дивизиями отбросить его за Урал.

25-я Самарская дивизия ко времени вступления М. В. Фрунзе в командование 4-й армией уже не существовала. Ее почему-то расформировали 24 января 1919 г., направив после взятия Уральска четыре полка этой дивизии под командованием комбрига 2 тов. Михалева под Оренбург в 1-ю армию, а пять полков под

командованием комбрига 1 тов. Кутякова оставили в 4-й армии. Штаб 25-й дивизии был расформирован.

В грозный для Страны советов момент, когда Колчак, казалось, угрожал уже самой Москве, М. В. Фрунзе решил воссоздать славную 25-ю дивизию, покрывшую себя неувядаемой славой в боях с белоказачеством, войсками самарской «учредиловки» и чехо-словаками. В состав дивизии вошли: бригада Кутякова (73-я бригада), Алгайская бригада Потапова (75-я бригада) и 74-я бригада. Последняя была сформирована тов. Фрунзе в районе Самары из 220-го стрелкового полка иваново-вознесенских рабочих, 221-го стрелкового полка сызранских рабочих и 222-го стрелкового полка московских рабочих. Во главе дивизии тов. Фрунзе поставил Василия Ивановича Чапаева.

В начале апреля 1919 года М. В. Фрунзе приказал 25-й дивизии сняться с уральского казачьего фронта и на подводах переброситься в район Бузулук — станция Кинель для разгрома наступающих войск Колчака, в частности западной армии генерала Ханжина. Именно здесь произошел ряд упорных кровопролитных боев, завершившихся освобождением Уфы и разгромом Колчака.

Первой вступила в бой 73-я бригада Кутякова. 28 апреля 1919 года части этой бригады повели наступление против 11-й дивизии белых, укрепившихся на реке Боровке к северу от Бузулука (схема 4). Наступление началось с рассветом. Густые красноармейские цепи, невзирая на пулеметный и артиллерийский огонь, стремительно атаковали противника. Колчаковцы ожесточенно отбивались от атак. Но к 14 часам бригада смяла левый фланг противника. Несмотря на отчаянное сопротивление, противник уже не смог оста-

Условные обозначения:
Красные
Белые

С
Ю

Бугуруслан
Ст. Сарай-Гир
Ст Филипповка
Завьяловка
Ст. Заглядино
Кульшарылово
Николаевка
Ст Подбельская
1ᵒ Уфимский корп
76 бр
26 див
Ст. Толкай
Михулино
Коптяжевка
74-75 бр
25 стр див. т. Чапаева
Языковка
Зимниха
30 IV
Смоленское
Барновка
92 бр 31 стр. див т Лквашова
5ᵃ Армия
11 стр див 6ᵒ Ур корп полковника
Золотозубова
Бабинцовка
Чибринобка
Дураковка
Усакла
Ключегорье
Пухово
Жилино
Луговое
Ягодное
Троицкая
Мысыревка
Жданкровка
Александровка
Глазово
Арбузовка
73 бр т Кутякова
Игнашкино
Ильяскино
91 бр. 31 стр див т Сингурского
Подгорное
Бождаровка
Оренбургская Каз бр-да
т Каширина
Новопетровское
12 стр див. 6ᵒ Уральск корп
Огаряпно
Беседино
Воздвиженка
29 IV
Романовское
72 бр. 24 див.
Залесово
1ᵃ Армия
р. Боровка
р. Самарка
Штаим Туркестанск
масштаб 10 в. в дюйме
Бузулук

Схема 4. Разгром колчаковцев под Бугурусланом.

новить героические красные полки. 73-я бригада буквально смяла его, целиком уничтожив 11-ю дивизию белых. В этом бою были взяты 1 тысяча пленных, батарея и 50 пулеметов.

29 апреля 73-я бригада продолжала свое движение. 30 апреля части 25-й дивизии вступили в бой с 12-й колчаковской дивизией на реке Кинель. Эту дивизию постигла та же участь, что и предыдущую: она была сбита с занимаемых позиций и наголову разбита.

Таким образом, за три боя были уничтожены две дивизии, составлявшие 6-й корпус.

В результате этих боев чапаевцы прорвали фронт Колчака на 80 километров. М. В. Фрунзе направил в прорыв основные силы своей ударной группы. Все три бригады Чапаева ввязались в упорные бои в районе Бугуруслана с 1-м Уфимским корпусом князя Голицына (схема 4). С 1 по 5 мая 25-я Чапаевская дивизия уничтожила и этот корпус.

Командующий ударной армией Колчака генерал Ханжин решил вырвать инициативу у красных и перейти в контрнаступление. Для этого он подтянул в район Татарского Кандыза и Домосейкина гвардию Колчака — Ижевскую бригаду и 2-й корпус генерала Войцеховского.

8 мая 1918 года произошло встречное сражение. 25-я дивизия не только отразила контрнаступление 2-го корпуса генерала Войцеховского, но целиком уничтожила Ижевскую бригаду под Татарским Кандызом, взяла более тысячи белых в плен и захватила 4 орудия.

В этот же день товарищи Фрунзе и Куйбышев прибыли на поле сражения и отдали приказ, в котором благодарили 25-ю Чапаевскую дивизию, а командиров

полков и батальонов 73-й бригады тут же наградили орденами Красного знамени.

Василий Иванович не ограничился этими успехами и продолжал энергично преследовать противника. 11—15 мая полки Чапаевской дивизии вышли на реку Ик. Здесь на участке селений Шалты-Апсалямова они разбили части 2-го корпуса генерала Войцеховского, взяли много пленных, 3 орудия и десятки пулеметов.

Тогда генерал Ханжин ввел в бой свой последний стратегический резерв — ударный корпус генерала Каппеля. Бой произошел в районе города Белебей. Каппелевцы были смяты и отброшены за реку Белую. 17 мая чапаевцы заняли Белебей.

30 мая 73-я бригада налетом взяла узловую станцию Чишма. Остатки ударной армии генерала Ханжина отошли за реку Белую в район Уфы.

6 июня М. В. Фрунзе приехал в штаб 25-й дивизии. По его приезде было созвано совещание командиров полков и бригад. Тов. Фрунзе ознакомил присутствующих с общей обстановкой и поставил перед 25-й дивизией задачу взять Уфу, выделив для этого ударную группу под командованием Кутякова. В состав ударной группы вошли 220-й Иваново-вознесенский полк, 25-й кавалерийский полк, 9 бронемашин и отряд боевых самолетов.

По предложению Кутякова было решено форсировать реку Белую, преграждающую путь на Уфу у села Красный Яр. Для форсирования реки имелись два парохода, захваченных у белых.

Тотчас же после совещания М. В. Фрунзе выехал совместно с Чапаевым, Фурмановым, Кутяковым и другими командирами к Красному Яру. Здесь состоялся

красноармейский митинг, на котором с горячей речью выступил М. В. Фрунзе. Бойцы поклялись взять Уфу.

В тот же день к вечеру к Красному Яру подтянулась 74-я бригада Зубарева и дивизионная артиллерия, занявшие позиции еще до наступления темноты. Начальником артиллерии был назначен лучший чапаевский артиллерист, командир 1-го дивизиона тов. Рапецкий.

В ночь на 7 июня 25-я дивизия приступила к форсированию реки Белой. 220-й Иваново-вознесенский полк на двух пароходах переправился на противоположный берег без единого выстрела. Следом за ним начали переправу 217-й и Пугачевский полки. В 3 часа утра после артиллерийского огня, открытого по проволочным заграждениям и окопам противника, оба полка двинулись в атаку. Противник начал отходить. Товарищи Фрунзе и Кутяков выехали к сражающимся частям. Чапаев остался на месте для руководства переправой.

Чапаевцы медленно продвигались вперед. Но в 3 часа дня противник крупными силами перешел в контратаку. Появление свежих сил противника вызвало в рядах красных бойцов замешательство. Не выдержав стремительного натиска белых, Иваново-вознесенский полк стал отходить. Навстречу бегущим бросился комиссар 73-й бригады тов. Горбачев. Отходившие группы нерешительно остановились. Тогда М. В. Фрунзе выхватил у своего ординарца винтовку и с криком: «Иваново-вознесенцы, за мной, в атаку, вперед на белых!» бросился вперед.

Красные цепи дружно повернули назад и с удесятеренной силой атаковали врага. В 4 часа дня красные части перешли в наступление по всему фронту. Только тогда М. В. Фрунзе вернулся к переправе, где колча-

И. Кутяков, Д. Фурманов и В. Чапаев после взятия Уфы.

ковцы прилагали все усилия, чтобы сорвать переправу красных частей. Над Красным Яром кружились самолеты противника. Самолеты усиленно обстреливали переправы пулеметным огнем. При приближении М. В. Фрунзе к берегу колчаковские летчики сбросили бомбы. Одна из них разорвалась под ногами лошади, на которой ехал М. В. Фрунзе. Лошадь была разорвана в куски, а самого командующего армией отбросило далеко в сторону. Михаил Васильевич был тяжело контужен. Из его рта шла кровь. Он потерял сознание. В этот же день на переправе был ранен в голову В. И. Чапаев и начальник политуправления фронта тов. Тронин.

Бой за рекой Белой постепенно затихал. Поздним вечером смолкли последние выстрелы. Части располагались на ночь на отдых. Утром готовилось общее наступление

Противник решил предупредить наше наступление и ночью подтянул к деревне Турбаслы отборные офицерские ударные батальоны с тем, чтобы опрокинуть чапаевские полки в реку Белую. Офицерские батальо-

ны должны были нанести удар по Пугачевскому полку, отрезать остальные и уничтожить их при поддержке своих частей, находившихся севернее.

Командующий группой Кутяков узнал об этом замысле, грозившем сорвать всю операцию по освобождению Уфы, от одного рабочего, мобилизованного белыми и с опасностью для своей жизни пробравшегося через фронт. Чапаевцы были предупреждены. На место предполагавшегося удара белых были подтянуты пулеметы. Части подготовились для встречи врага.

9 июня ранним утром, на огромном поле высокой ржи, перед расположением Пугачевского полка показались ударные офицерские батальоны. Они шли взводными и ротными колоннами, размеренным парадным шагом. Над колоннами горделиво развевались знамена. Офицеры и юнкера были одеты в парадные черные мундиры с георгиевскими крестами на груди.

Тихо, без лязга оружия, без голоса, шли черные колонны. Они вырастали в серых утренних сумерках, охватывая все поле. Было ясно, что они надеялись захватить красных бойцов сонными и переколоть, перестрелять их в окопах...

Вот перед ними уже показались холмики свеже взрытой земли... Окопы... Черные колонны невольно прибавили шаг. Но окопов достигнуть им не удалось. Чапаевцы подпустили колчаковцев вплотную и разом, по команде, открыли уничтожающий пулеметный огонь, буквально скосив, вместе с рожью, офицерские батальоны.

К 8 часам, т. е. через 3 часа после начала атаки, бой кончился *.

---

* Этот бой воспроизведен в кинофильме «Чапаев» под названием «психическая атака».

В тот же день чапаевцы заняли Уфу. Остатки колчаковской армии покатились через Уральский хребет к берегам Тобола и Иртыша, добиваемые в тылу красными сибирскими партизанами, а с фронта — 27-й и 26-й стрелковыми дивизиями. Вот что пишет об этом памятном моменте центральный орган нашей партии — газета «Правда» *:

«Южная группа Восточного фронта наносит под руководством тов. Фрунзе сокрушительный удар Колчаку. Фронт восточной белогвардейщины оказывается прорванным и прорванным окончательно.

В этой замечательной операции, в которой Колчаку наносится смертельный удар, особенно отличаются 25-я Чапаевская дивизия и 1-я (73-я) ее бригада тов. Кутякова. Начинается агония колчаковщины. Победным маршем Красная армия проходит по Сибири. Она занимает Иркутск. Здесь находит свой позорный конец кровавый адмирал».

За блестящее руководство героической дивизией М. В. Фрунзе представил Чапаева к награждению орденом Красного знамени.

14 июня 1919 года Реввоенсовет Республики опубликовал приказ, в котором говорилось:

«Награждается орденом Красного знамени начальник 25-й стрелковой дивизии товарищ Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия.

Сорганизовав по революционному почину отряд, в течение мая, июня, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял саратовско-николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом чехо-словаков.

* „Правда" от 16 января 1935 г.

6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизии) на подступах к Самаре, занятой чехо-словаками, одним из первых переправился через реку Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам, Александро-гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью.

Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник стоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугуруслан, Белебей и Уфа, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил уфимско-самарский хлебный район.

В боях под Уфой (8 июля) при форсировании реки Белая лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием города Уфы».

Чапаевская дивизия освобождает Уральск

В марте 1919 года, после взятия Чапаевской дивизией Уральска, Лбищенска и станицы Сломихинской, белоуральской армии был нанесен смертельный удар. Казаки стали сдаваться в плен целыми полками. Казалось, что уральская контрреволюция доживает последние дни. Положение белых еще более ухудшалось тем, что между отдельными контрреволюционными группами в области завязалась нешуточная борьба.

Власть в Уральской области принадлежала казачьему войсковому с'езду, председателем которого являлся эсер Кирпичников. Казачьему войсковому с'езду противостояла казачье-помещичья группа, руководимая гурьевским генералом Толстовым. Опираясь на англичан, которые хозяйничали на нефтяных промыслах Эмбы, Толстов об'явил себя наказным атаманом уральского казачества, то-есть фактически диктатором области. Он разогнал войсковой с'езд и расстрелял Кирпичникова и вместе с ним еще нескольких эсеров.

20 марта 1919 года, после того как тов. Фрунзе снял с Уральского фронта Алгайскую бригаду Чапаева и 73-ю бригаду Кутякова и перебросил их на Восточный фронт, против Толстова осталась только одна 22-я стрелковая Краснодарская дивизия.

На первый взгляд может показаться, что перевес был на стороне красных. Однако наступившая весенняя распутица, сильно затруднявшая работу гужевого транспорта, и наличие в тылу огромного количества пленных казаков и офицеров, отпущенных по своим станицам и хуторам, делали этот перевес сомнительным.

Захватив власть, Толстов начал бешено готовиться к наступлению на Лбищенск и Уральск. Между тем начдив 22 Сапожков (бывший эсер), относясь враждебно к мероприятиям советской власти, направленным против кулачества, проявлял необычайную нерешительность. Так, вместо того, чтобы энергично продвигаться на юг, к Каспийскому морю, Сапожков заставил всю дивизию стоять на месте. Чтобы усыпить бдительность органов советской власти, он 28 марта 1919 года направил два полка 66-й бригады Заглядова в наступление на станицу Мергеневскую. При подходе к станице эти полки были встречены огнем юнкеров, а также Семеновской и Брыковской кулацких дружин и после длительной перестрелки начали отходить, потеряв несколько сот бойцов и два орудия.

В результате белоказаки захватили форпост Горячинский и подошли вплотную к Лбищенску.

К началу апреля Толстову удалось сформировать две новых кавалерийских дивизии — 1-ю в районе Калмыковской и 2-ю в районе Сахарной и Мергеневской. 14 апреля Толстов подтянул 1-ю кавалерийскую дивизию в район Мергеневской, где уже находилась 2-я кавалерийская дивизия, а в районе форпоста Горячинский сосредоточил всю пехоту: юнкерскую школу, Семеновскую и Брыковскую кулацкие дружины, а также Уральский и Гурьевский пехотные полки.

В ночь на 15 апреля 1919 года Толстов бросил все эти силы для занятия Лбищенска. 1-я кавалерийская дивизия должна была атаковать главными силами Лбищенск с севера, выделив небольшие отряды для налета на форпосты Кожехаровский и Богатинский. 2-й кавалерийской дивизии было приказано атаковать Лбищенск с запада. Пехота должна была нанести удар из форпоста Горячинского по южной окраине Лбищенска.

Белые казачьи части подошли к указанным пунктам незамеченными и внезапно открыли огонь по красным цепям. Одновременно укрывавшиеся внутри города кулаки повели огонь из окон и с крыш сараев по штабам полков, батальонов и по огневым позициям батарей 64-й бригады.

После упорного 8-часового боя, уничтожив почти всю 64-ю бригаду, казаки захватили Лбищенск. Раненых бойцов они расстреляли на соборной площади города, а сдавшихся в плен (около 250 человек) заперли в амбар и живыми сожгли.

Успех противника явился полной неожиданностью для Сапожкова. Растерявшийся начальник дивизии уже на следующий день, 16 апреля, отдал приказ об отходе всех частей на Уральск.

24 апреля 1919 года, после ряда упорных боев, главные силы 22-й дивизии Сапожкова в количестве 5.048 бойцов, 443 сабель, 31 пулемета и 21 орудия при 11 тысячах снарядов вошли в Уральск, взорвав мост через реку Деркул. С этого времени 22-я дивизия блокируется в Уральске толстовской казачьей армией.

Удача белых вызвала под'ем среди уральского и оренбургского кулачества. Из восставших казаков стихийно

формируются 4 новые дивизии: 3-я кавалерийская дивизия из рубеженцев и кирсановцев, 4-я кавалерийская дивизия из илецких повстанцев и 5-я кавалерийская дивизия из иртецких и бурлинских белоказаков. В районе станицы Сломихинской полковник Бородин сформировал 6-ю кавалерийскую дивизию.

Таким образом, Толстов за 15 суток создал по существу целую конную армию.

Май 1919 года проходит в серьезных боях. Красные части 4-й армии несут большие потери. Осажденный уральский гарнизон Сапожкова терпит огромную нужду в продовольствии и огнеприпасах.

В июне 1919 года командующий 4-й армией тов. Авксентьевский предпринимает ряд попыток освободить Уральск, не увенчавшихся, к сожалению, успехом. Белые не только не сняли осады Уральска, но захватили Новоузенск и Пугачевск, осадили Оренбург и угрожали даже Самаре.

Положение в Уральске становилось все более тревожным. 16 июня Владимир Ильич Ленин прислал красным защитникам Уральска радиограмму, в которой говорилось: **«Держитесь, уральцы, на вас смотрит вся революционная Россия».**

Учитывая серьезность положения на Уральском фронте, командующий вновь образованного Туркестанского фронта тов. М. В. Фрунзе направляет 25-ю Чапаевскую дивизию, снятую с Восточного фронта, в район Бузулука для освобождения Уральска.

25 июня в районе Уфы две бригады 25-й дивизии — 73-я и 74-я — погрузились в эшелоны. 75-я бригада осталась для захвата переправы через реку Уфимку. Кавалерия дивизии двинулась на город Бузулук походным порядком. 30 июня части 73-й бригады

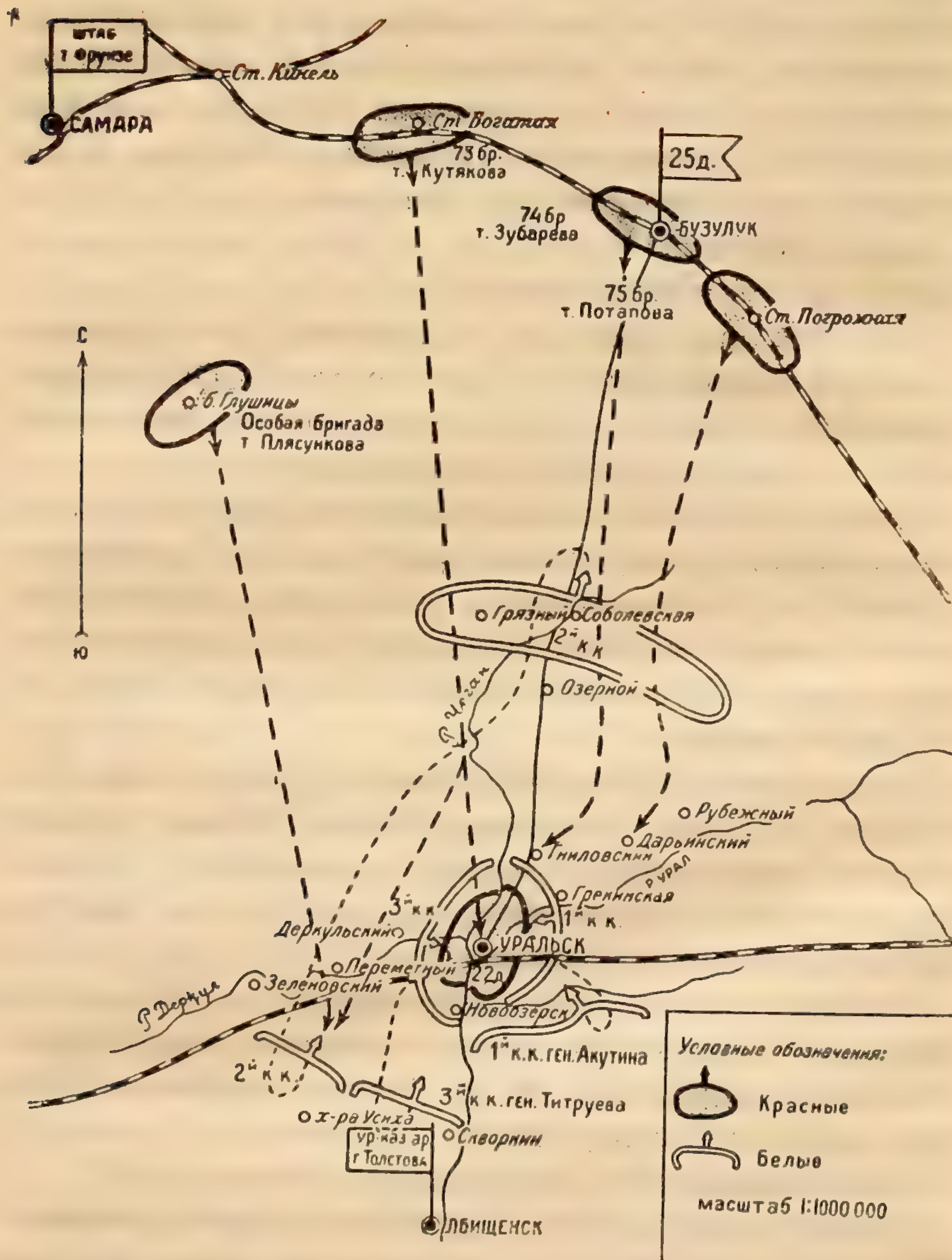

Схема 5. Действия 25-й Чапаевской дивизии по освобождению г. Уральска в июле 1919 года

выгрузились из эшелонов на станции Богатая в районе Бузулука (схема 5).

М. В. Фрунзе поставил перед дивизией задачу не позже 12 июля 1919 года освободить Уральск. Для этого он подчинил дополнительно командиру 25-й дивизии Особую коммунистическую бригаду, находившуюся под начальством тов. Плясункова и стоявшую в районе Большой Глушицы.

25-я Чапаевская дивизия немедленно приступила к выполнению своей задачи.

Перед участком 25-й Чапаевской дивизии находился 2-й Уральский конный корпус генерала Савельева, главные силы которого группировались в районе Умет-Грязной.

Врид. начдив 25 Кутяков отдал приказ, чтобы к 8 июля бригада Плясункова вышла в район сел Игумнов и Графкин, а 73-я бригада — в район Умет-Грязной. 74-я бригада должна была к этому же времени на подводах сосредоточиться в районе Соболевской, а 75-я бригада после высадки частей — следовать по маршруту 74-й бригады.

7 июля в районе Большой Черниговки у хуторов Мордовские и Пьянов 2-й Уральский конный корпус противника атаковал авангардный 218-й полк Степана Разина. Разинцы, не выдержав атаки, начали отходить, но подоспевшие части 73-й бригады, а также бригады Плясункова восстановили положение. Все же 3-й батальон Разинского полка был уничтожен неприятелем.

Другие две бригады, строго придерживаясь намеченного маршрута, 8 июля заняли Игумнов и Умет-Грязной, а 74-я бригада — Соболевскую (схема 5).

2-й Уральский конный корпус белых, проиграв бой у Большой Черниговки, начал спешно отходить к югу,

а чтобы замедлить продвижение Чапаевской дивизии, противник поджог ковыльные степи. Пожар, охвативший степи площадью в 150 квадратных километров, представлял собою грозное зрелище. Ветер дул с севера. Чапаевские части двигались вслед за огнем по голой степи, среди дыма и гари, нависших густыми черными клубами над хуторами и станицами.

10 июля бригада Плясункова вышла в район станции Переметной, а 73-я бригада — в район Деркульский и женский скит. 11 июля в 7 часов утра 73-й и 74-й кавалерийские дивизионы соединились у хутора Новенького с 1-м батальоном 194-го стрелкового полка осажденного гарнизона Уральска. В тот же день Василий Иванович Чапаев с тов. Фурмановым прибыли на автомобиле из Самары в Уральск.

Встреча Чапаева с бойцами 22-й Краснодарской дивизии и трудящимися Уральска была потрясающей. Улицы, украшенные красными полотнищами, на которых гордо красовалось имя Чапаева, приняли торжественный вид. Чапаева всюду сопровождали долго несмолкаемые крики «ура». Трудящиеся Уральска и 22-я Краснодарская дивизия праздновали освобождение от осады, праздновали победу своей доблестной Красной армии.

Гибель В. И. Чапаева

Потерпев поражение под Уральском, казачья армия Толстова отступила на юг. 1-й Илецкий конный корпус генерала Акутина (4-я и 5-я кавалерийские дивизии) отошел на восток за реку Урал с задачей защищать направление на Джамбейтинскую ставку. 2-й Уральский корпус генерала Савельева, в составе трех кавалерийских дивизий, трех пехотных полков, а также Семеновской и Брыковской кулацких дружин и юнкерской школы, занял хутор Усиха и форпост Чаганский. 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина, оставив Александров-Гай, отошла в район станицы Сломихинской (см. схему 1). Штаб генерала Толстова расположился в самом Лбищенске.

Части 4-й Красной армии к этому времени группировались так: 50-я стрелковая дивизия (3-я бригада) занимала район Александров-Гай, станции Озинки и Семиглавый Мар. 25-я Чапаевская дивизия — 73-я бригада была расположена в районе ст. Переметная, 74-я бригада — в районе Круглоозерный, 75-я бригада — в Уральске. Бригада Плясункова была двинута через Уральск на подкрепление 49-й дивизии и заняла район Илецкого городка. В свою очередь 22-я Краснодарская дивизия была отправлена на деникинский

фронт. После ее ухода штаб 25-й Чапаевской дивизии расположился в Уральске.

25-я Чапаевская дивизия по приказанию командующего 4-й армией тов. Авксентьевского должна была продолжать преследование противника, с тем чтобы занять Лбищенск и Джамбейтинскую ставку. В это время тылы 25-й Чапаевской дивизии находились еще в пути из Уфы в район Бузулука. Отсутствие обоза весьма затрудняло доставку в полки продовольствия и огнеприпасов. Несмотря на это, части дивизии еще задолго до подхода тылов приступили к выполнению возложенной на них задачи. 73-я бригада выступила на хутор Усиха, 74-я бригада — на форпост Чаганский, а 75-я бригада приступила к постройке моста через реку Урал в Уральске.

С 15 по 25 июля в районе Усиха между чапаевскими частями и белоуральской армией идут жестокие бои. В эти дни конный корпус противника регулярно утром и вечером атаковал нас с флангов и тыла, а белая пехота наседала с фронта. Положение стало весьма серьезным. 73-я бригада, истекая кровью и неся огромные потери, героически отбивала атаки казаков. В довершение всего в те дни стояла нестерпимая жара, доходившая нередко до 60 градусов. Кругом на десятки километров не было ни одного колодца. В выжженной степи не оставалось даже кустика для защиты от палящего зноя, и немало красных бойцов погибало от солнечных ударов и смертельной жажды. Но тем не менее части 25-й дивизии не только не отступили из безводной Усихинской степи, а сумели отбить все атаки противника и вынудили его главные силы перейти к обороне. Таким образом, инициатива у противника была вырвана

В первых числах августа командующий 4-й армией тов. Авксентьевский был отстранен от должности, на его место вступил тов. Лазаревич. Рос ореол славы вокруг имени Чапаева, которому по существу подчинялись все главные силы 4-й армии: 25-я дивизия, 1-я бригада 50-й дивизии и 2-я бригада 74-й стрелковой дивизии. К этому времени у Чапаева созрело твердое решение перейти в наступление на всем фронте, с тем чтобы занять Лбищенск и Джамбейтинскую ставку. И вот через 15 суток, преодолев все препятствия на своем пути, терпя жажду и лишения, ощущая недостаток в огнеприпасах, чапаевцы заняли не только Лбищенск, но и станицу Сахарная, пройдя путь свыше, чем в 200 километров, и какой путь!..

Белоуральская казачья армия покатилась на юг, цепляясь за каждую станицу, за каждый хутор. Белогвардейцы еще не потеряли надежду остановить наступление победоносных красных полков. Белые генералы создавали планы «массовых конных атак», а затем развернули энергичную подготовку налета на Лбищенск. Вот что пишет об этой подготовке начальник штаба белоуральской армии:

«В течение второй половины июля и первой половины августа Уральская армия, теснимая частями 25-й дивизии, обороняя каждый поселок и почти каждый хутор, расположенные к западу от линии Уральск — Гурьев, отошла в район Калмыковская—Каленый. Почти все жители оставляемых казаками станиц отходили на юг со всем своим скарбом и скотом. Это было бедствием для армии, ибо в южных станицах отсутствовал хлеб и переполнение беженцами грозило голодом. А огромные стада скота, угоняемые в тыл, уничтожали по пути все запасы сена и травы. Кроме того, бежен-

цы располагались биваком в ближайшем тылу армии, чем мешали маневрированию войск. Стоило частям армии остановиться, как останавливались и беженцы, приказания об отходе в глубокий тыл ими не выполнялись.

Район к северу от Калмыковская через 2—3 дня после отхода армии к поселку Каленому обратился буквально в голую степь, даже ветви на деревьях были с'едены.

Армия была лишена местных фуражных средств, а доставка сена с Бухарской стороны, за отсутствием мостов через реку Урал и вследствие недостатка лодок, была крайне затруднительна. Конский состав начал быстро ухудшаться. Вместо заболевшего генерала Савельева в командование Уральским корпусом вступил генерал Титруев, который предполагал встретить наступление красных чапаевских частей на поселок Каленый массовой конной атакой. Для этого вся конница армии занималась репетициями.

К этому времени из района Сломихинской к поселку Каленому была подтянута 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина, а для наблюдения за красными (3 бригады 50-й стрелковой дивизии), занимавшими Сломихинскую, оставлен был 1-й партизанский Чижинский кавалерийский полк.

С предполагаемым генералом Титруевым способом действий не были согласны начальники других частей. Они предлагали морально подорванную и понесшую большие потери лошадьми конницу использовать для набега на тыл красных. Командующий армией генерал Толстов согласился с предложением начальников этих частей. Для совершения этого рейда — налета 2 сентября 1919 года из Каленого — выступили 6-я кавале-

рийская дивизия полковника Бородина и 2-я кавалерийская дивизия Сладкова. Части эти двигались через станицу Кизил-Кубанская и далее по долине Кушум, чтобы атаковать красные части, занимавшие Лбищенск».

Таким образом, Уральская армия подготовляла налет на Лбищенск, где были расположены база и штаб В. И. Чапаева.

Необходимо указать, что по мере движения вглубь уральских степей положение 25-й дивизии с каждым днем ухудшалось. Это об'ясняется тем, что войска Чапаева были оторваны более, чем на 200 километров, от своей базы — Уральска. Трудность подвоза вызывала постоянные перебои в снабжении частей огнеприпасами и продовольствием. Бригады иногда по нескольку суток не видали хлеба. Между тем армия генерала Толстова при отходе на юг, к берегам Каспийского моря, сумела получить от англичан не только обмундирование, снаряжение и огнеприпасы, но даже артиллерию, самолеты и бронеавтомобили.

Белая Уральская армия обладала и другими преимуществами. К их числу относился прежде всего характер самой местности. Необ'ятные степные равнины позволяли конным казачьим массам успешно маневрировать. Вследствие прерывистости фронта красных, белоказаки имели возможность совершать внезапные рейды-набеги на тылы Чапаева. Чапаев почти не мог противодействовать этому, так как безводные степи были непреодолимы для пехоты.

Но самый главный наш недостаток в то время заключался в невыгодной группировке войск Чапаева. В частности линия фронта, занимаемая группой Аксенова, отстала на 100 километров от общей линии

7 И. Кутяков

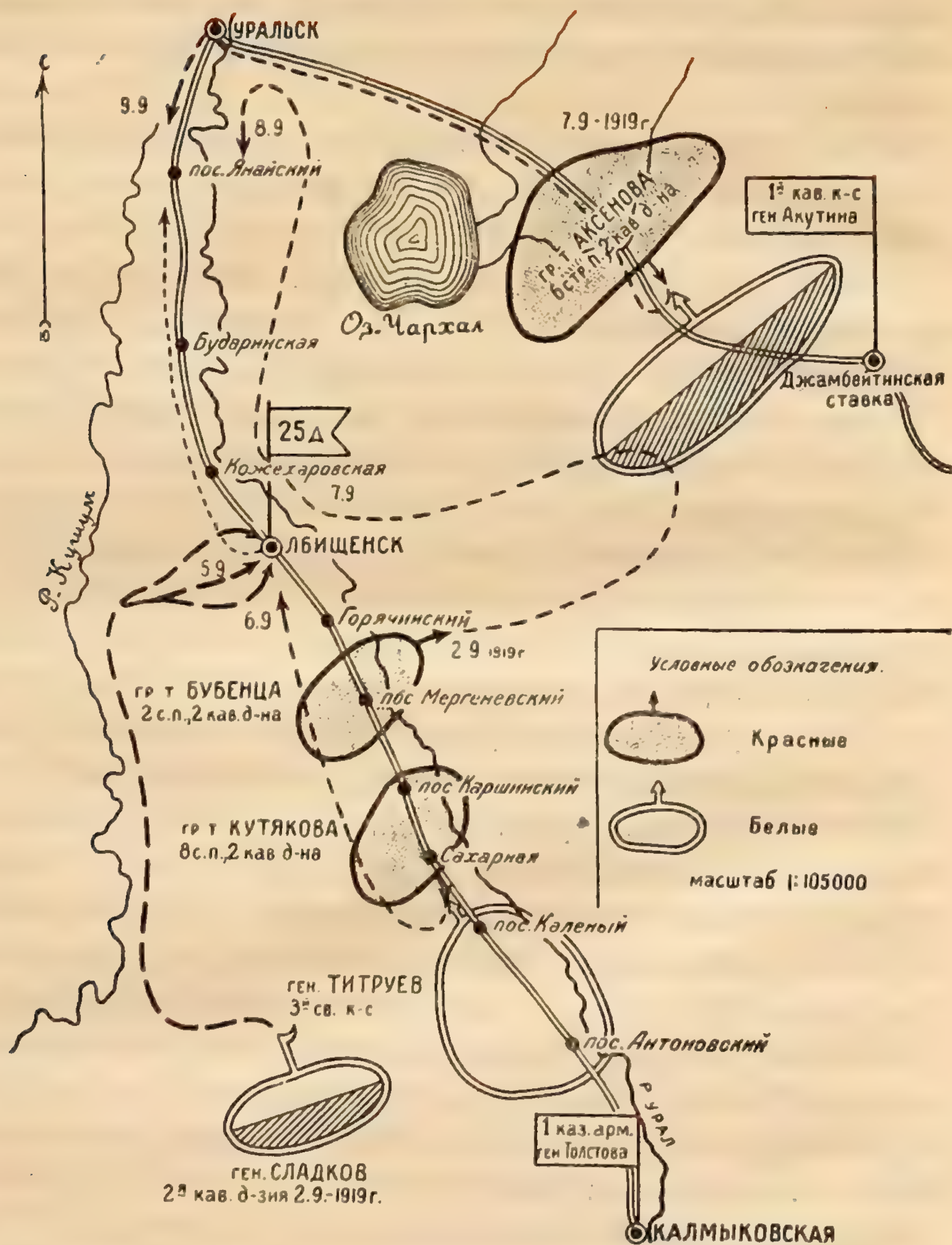

Схема 6. Обстановка, при которой погиб В. И. Чапаев

кстати сказать, в то время находились одни тыловые учреждения и совсем не было войск. Тогда частям 4-й Красной армии пришлось бы отойти, вероятно, еще дальше на север. Но этого, по счастью, генерал Толстов не предусмотрел.

В таком же тяжелом положении находились войска Чапаева и на Бухарской стороне. Группа тов. Бубенца, двигавшаяся от Урала на Джамбейтинскую ставку по пустынной местности, и группа войск Аксенова, расположенная на шестидесятикилометровом фронте к северо-востоку от озера Чархал (схема 6), не имевшие связи ни с группой Кутякова, ни между собою, легко могли быть разбиты конным корпусом генерала Акутина. К тому же между всеми тремя группами войск Чапаева в отдельных случаях образовывались промежутки шириною до 100 километров. И эти разрывы по фронту не только ничем не прикрывались, но здесь даже не производилась простая разведка.

Войска Чапаева во время движения на юг понесли немалые потери (особенно при взятии станицы Мергеневской и Сахарной). В этих боях шесть стрелковых полков выстраивались цепями в затылок друг другу. Боевой порядок справа прикрывался частями 1-й бригады — 50-й стрелковой дивизией, а слева — рекой Уралом. Волнообразные красные цепи шести Чапаевских полков штыковым ударом заняли эти пункты, но потеряли убитыми и ранеными до 3 тысяч бойцов.

Сильно поредевшая группа Кутякова нуждалась в пополнении, а главное, она не имела патронов и хлеба. Поэтому Чапаев вынужден был отказаться от наступления на Каленый и атак главных сил противника и приказал группе Кутякова закрепиться на месте и оборонять район станицы Сахарная и Каршинский.

Наступил сентябрь 1919 года. Стояла особенно жаркая погода. По широкой степной долине, в обросших вековым камышом и мелким кустарником берегах катил свои волны Урал.

На фронте — затишье. На Бухарской стороне, среди нескончаемых желтых песков и сыпучих дюн, издалека видны зеленые рощи. По крутым холмам Урала раскинулись во все стороны богатые казачьи станицы и хутора. Теперь в них царит полное безлюдье. Только изредка на широких улицах промелькнет сгорбленный в три погибели старик. Все боеспособное население давно угнано белыми, а женщины и дети кочуют вблизи своих мужей и отцов по тылу фронта.

Порывистые ветры, дующие с Каспийского моря, вздымают по утрам целые тучи пыли. Вот уже скоро третий месяц, как не выпадало дождей.

Части 25-й дивизии десятый день стоят на месте, на отдыхе. 4 сентября В. И. Чапаев с военкомом Батуриным посетил в станице Сахарной 1-ю бригаду 50-й стрелковой дивизии, которая уже трое суток не получала хлеба. Бойцы были созваны на митинг; им об'яснили причину задержки. Для оказания действительной помощи особенно ослабевшим от недоедания товарищам решено было отобрать от каждого бойца остальных двух бригад по полфунта хлеба. После этого В. И. Чапаев с Батуриным, несмотря на предложение остаться на ночлег в форпосте Каршинском, отправились на автомобиле в Лбищенск.

В то время как Чапаев находился в 1-й бригаде, 2-й конный корпус казаков в составе двух кавалерийских дивизий под командованием генерала Сладкова и полковника Бородина беспрепятственно двигался по

Кушумской долине. Достигнув района урочища Кузда-Гора, отстоявшего в 25 километрах к западу от Лбищенска, белоказаки укрылись в густых камышах, покрывавших долину.

Здесь они стали ожидать наступления темноты, с тем чтобы под покровом ночи захватить Лбищенск и разгромить штаб Чапаева, охраняемый лишь одной дивизионной школой Чекова силою в 600 штыков.

О движении 2-го корпуса генерала Сладкова на Лбищенск Чапаев не знал. С самолетов 25-й дивизии, несших разведывательную службу, ничего не было обнаружено. Но 4 сентября около 23 часов в штаб дивизии прискакали обозники, посланные в степь за сеном, и сообщили о том, что в 20 километрах от Лбищенска на них напали казаки и отбили около 20 повозок.

— Много ли было казаков? — спросил Новиков.

На этот вопрос обозники сбивчиво ответили, что видели не более сотни всадников, которые захватывают в плен отдельные подводы и группы мобилизованных крестьян.

Как раз в это время из станицы Сахарной вернулись Чапаев и Батурин. Они были тотчас же оповещены о случившемся. Однако Василий Иванович не придал особого значения этому сообщению, так как подобные случаи происходили в этом районе довольно часто. Он потребовал, чтобы ему доложили о результатах разведывательных полетов, совершаемых самолетами в направлении станиц Сломихинской и Кизил-Убинской. Начальник штаба тов. Новиков сообщил, что в течение последних шести суток авиаотряд в этом направлении конницы казаков не замечал.

Тов. Новиков, бывший офицер, работавший около года с Василием Ивановичем, пользовался его неогра-

ниченным доверием. Это был скромный, дельный работник, преданный советской власти. Его недостатком было то, что он хотел все делать сам. Поэтому у него не оставалось свободного времени на изучение как своего аппарата, так и непосредственно подчиненных ему частей, в частности вновь прибывшего из штаба армии 4-го авиационного отряда.

Между тем летный отряд, обслуживавший войска Чапаева, своими действиями вызывал обоснованные подозрения. Совершая в течение шести суток утренние и вечерние полеты над открытой местностью, летчики непременно должны были заметить врага.

Если 2-й кавалерийский корпус казаков трудно было обнаружить на марше, так как он передвигался исключительно ночью, зато днем он стоял всего в 25 километрах от аэродрома в камышах, в которых не могли укрыться все 5 тысяч сабель.

Предательская роль личного состава этого авиаотряда, обманувшего Красную армию и советскую власть, яснее всего видна из того, что в момент захвата Лбищенска 2-м корпусом казаков, 5 сентября, в 10 часов, все четыре самолета перелетели в расположение казаков в Калмыковскую.

К ночи жизнь в штабе Чапаева замерла. Охрану Лбищенска с момента его занятия нами несла, как указывалось выше, дивизионная школа тов. Чекова в составе 600 человек. Следует отметить, что штаб дивизии не имел продуманного плана обороны Лбищенска на случай внезапного налета противника. Ночью на окраине города выставлялись только заставы, обычно в составе одного взвода пехоты каждая, отстоявшие

друг от друга на расстоянии до 2 километров. Телефонной связи между заставами не было, и если на одной из них открывалась стрельба, то, чтобы узнать причину, туда нужно было направлять пеших посыльных.

Внутри города охрану несли отдельные пешие патрули. В случае тревоги разбросанные по всему городу по квартирам курсанты дивизионной школы должны были собираться на соборную площадь города. Что же касается военнослужащих штаба, отдела снабжения, ревтрибунала, ревкома, обоза и других учреждений, то они даже не знали, где находиться во время боя и куда отходить в случае неудачи.

Около часу ночи 20-й кавалерийский корпус генерала Сладкова подошел к самому Лбищенску. 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина наносила удар с запада и севера, а 2-я кавалерийская дивизия с юга (схема 6).

Совершенно недостаточная охрана города дала возможность казакам пройти незаметно отдельными сотнями в Лбищенск, расположение улиц которого было им, повидимому, отлично известно (в особенности Лбищенскому кавалерийскому полку противника). Казаки, пробравшись в город, одновременно атаковали красные заставы, находившиеся на окраине города, открыли бешеный ружейно-пулеметный огонь по обозу и начали бросать гранаты в квартиры командиров. Бой сразу охватил весь город.

При первых же выстрелах защитники города бросились к штабу на соборную площадь. Стараясь укрыться от огня противника, они занимали отдельные строения, дома. Ночная темень не позволяла разобраться в создавшейся обстановке; ни бойцы, ни коман-

диры не могли понять, откуда наносится главный удар противника.

Часть курсантов дивизионной школы и сотрудников политотдела дивизии об'единилась под командованием товарищей Крайнюкова и Суворова и с боем пробилась к своему штабу. В это время Василий Иванович, окруженный кучкой личного конвоя, вел жестокий бой с казаками.

Чапаев был уже ранен в руку, но все же остался в строю и руководил огнем. Видя приближающихся на подмогу курсантов и работников политотдела, Чапаев и Батурин бросились в контратаку на противника и штыками очистили соборную площадь от белых. Однако силы были неравны, и под натиском численно превосходившего противника герои-защитники вынуждены были отойти. Начались пожары.

Чапаев выбивался из сил, но боролся.

С рассветом казаки пустили в ход артиллерию. Исход сражения стал ясен. Через час Лбищенск был уже в руках казаков. С восходом солнца чапаевцы небольшими разрозненными группами стали пробиваться к реке Уралу, чтобы вплавь перебраться на другой берег. Но белые парализовали эту попытку, подтянув к реке пулеметы и артиллерию. Чапаевцы стали бросаться в реку, но в волнах их ожидала смерть от казачьих пуль.

Чапаев ни на минуту не забывал о комиссаре Батурине. Давая распоряжения, он спрашивал ординарцев и порученца Петра Исаева: «Где комиссар? Берегите комиссара».

Красные бойцы, засев после одной из контратак на площади, с трудом отбивались от наседавшего противника.

Комиссар штаба 25-й дивизии Чайкин, заместитель комиссара дивизии Крайнюков, порученец Чапаева Петр Исаев, 2-й порученец Садчиков.

Сам В. И. Чапаев, истекая кровью, почти терял сознание. Тогда ординарцы штаба во главе с порученцем Петром Исаевым потащили его с соборной площади к берегу Урала. К этому времени на площади оставалось не более ста чапаевцев. Командир дивизионной школы тов. Чеков вместе со своим старшим сыном геройски погибли в последней штыковой атаке. Был убит и военком дивизии тов. Батурин. Зарублен у пулемета старейший комиссар-чапаевец тов. Крайнюков. В штыковой атаке погиб начальник политотдела дивизии тов. Суворов. Тяжело ранен в ногу и начальник штаба дивизии тов. Новиков.

Казаки со всех сторон окружили соборную площадь. Путь отступления красным защитникам к реке был отрезан. Видя безвыходность положения, начальник снабжения 73-й бригады тов. Козлов (бывший офицер) стреляет в наседавших на него казаков из нагана и последнюю пулю выпускает себе в висок. Но находившимся при тов. Козлове его помощникам товарищам Белобородову, Пантелееву, Зайцеву, а также казначею 218-го Степана Разина полка тов. Додонову удалось с помощью штыков пробиться на южную окраину города. Отсюда они уже вплавь перебрались через реку Урал.

Василия Ивановича под убийственным огнем белых опустили в бурную реку. В это время года Урал со своими быстро несущимися студеными водами представляет собой трудно преодолимое препятствие. Истекающий кровью Чапаев под ливнем вражеских пуль находит все же силы добраться до середины реки. Но тут шальная пуля наносит ему второе ранение в голову и останавливает жизнь замечательного человека и одного из лучших и храбрейших бойцов и командиров Красной армии.

В то время, когда Василий Иванович боролся еще с волнами реки, его порученец Петя Исаев, находясь на берегу, отстреливался от врага, отводя его удары от Чапаева. Исаев надеялся, что Василий Иванович доплывет до другого берега. Увидев гибель любимого командира и сам не имея возможности спастись, он пустил себе пулю в висок со словами: «Чапаевцы умирают, но в плен не сдаются!..»

Город Лбищенск перешел в руки врага. Озверевшие белоказаки приступили к расправе с пленными обозниками и ранеными чапаевцами. Обезоруженных беспомощных людей выводили за город и там расстрели-

вали из пулеметов. Но защитники Лбищенска и в этот час дорого продавали свою жизнь.

Здесь необходимо отметить подвиг одного чапаевца—красногвардейца, старика-обозника. Перед смертью старик проявил изумительную находчивость и храбрость. Расскажем же о нем читателю.

Начальник 6-й Чижинской кавалерийской дивизии полковник Бородин, один из самых ярых врагов советской власти, ворвавшийся со своими частями в город, в'ехал во двор одного дома. Здесь в одной из повозок лежал раненый старик-обозник. Укрывшись в сене от казачьего расстрела, он ожидал подхода чапаевских частей. Убедившись, что помощи ждать неоткуда, он решил умереть смертью революционера. Увидя в'ехавшего во двор полковника, старик поднялся на повозке и выстрелом из винтовки, направленной почти в упор в грудь врага, расплатился за гибель любимого вождя.

Ординарцы Бородина кинулись на героя-чапаевца и изрубили его на куски.

В дальнейшем боевые события протекали следующим порядком.

5 сентября на рассвете командир группы тов. Кутяков был срочно вызван к телефону тов. Кутузовым, заведующим хозяйством полка Степана Разина. Вызывающий находился в форпосте Горячинском при обозах шести стрелковых полков, в 15 километрах от Лбищенска.

Тов. Кутузов сообщил по телефону, что в Лбищенске слышна не только ружейно-пулеметная стрельба, но

даже артиллерийская канонада, происходившая уже в течение 2 часов, причем из Лбищенска на форпост Горячинский двигается около двух конных казачьих полков, вероятно, для захвата наших обозов. Тов. Кутузов просил разрешения начать отход на станицу Сахарную.

Кутяков приказал Кутузову остаться с обозом на месте, забаррикадировать повозками улицы Горячинского и продержаться до полудня. К этому времени должна была подойти поддержка — 73-й кавалерийский дивизион, а затем к 14 часам — вся 73-я бригада Рязанцева.

Тотчас же после разговора по телефону бригада Рязанцева была поднята по тревоге и на подводах брошена из Каршинского на помощь Чапаеву в Лбищенск.

Пройдя нелегкий 70-километровый путь, бригада уже к вечеру атаковала Лбищенск. Но 2-й конный корпус генерала Сладкова отбросил ее в исходное положение к форпосту Горячинский. Части всей Сахарновской группы оказались отрезанными от Уральска. Это вынудило командующего группой принять командование над всей 25-й Чапаевской дивизией и дать приказ на отход к Уральску, то-есть на прорыв белого казачьего кольца.

В ночь на 6 сентября — перед самым отходом главных сил группы из станицы Сахарной — командир 2-й бригады тов. Сокол передал по телефону тов. Кутякову, что в каменном соборе станицы обнаружено несколько десятков тысяч снарядов, спрятанных казаками. Взять их чапаевские части не могли, так как транспорт (обозы) был захвачен в Лбищенске казаками.

Командир группы тов. Кутяков ответил, что снаряды нужно взорвать, если мы не хотим, чтобы они попали

в руки казаков. Но чтобы взрыв не послужил сигналом для генерала Толстова, тов. Кутяков приказал взорва́ть собор лишь тогда, когда 74-й кавалерийский дивизион Петрова, оставленный в виде прикрытия, покинет станицу Сахарную. По расчету красного командования, взрыв должен был сигнализировать нашим войскам о том, что станица Сахарная занята казаками.

6 сентября, около 14 часов, снаряды были взорваны. Собор взлетел на воздух. Взрыв был настолько силен, что волны Урала разнесли этот гул на сотни километров. От взрывов снарядов загорелась станица Сахарная, в домах и надворных постройках которой казаками были спрятаны патроны и ручные гранаты.

Огонь быстро охватил станицу. Слышались рев животных и крики птиц. Сквозь дым и море огня пробирались красные чапаевские дозоры. Неожиданно поднялась буря. Пламя стало перебрасываться на соседние станицы. На всем пути своем отходящие к Уральску части видели зарево пожаров.

В тот же день, 6 сентября, около 17 часов, бригаде Рязанцева удалось захватить Лбищенск. 2-й конный корпус генерала Сладкова стал отходить к Уральску. Группа тов. Бубенца приказанием тов. Кутякова была подтянута от Джамбейтинской ставки к Лбищенску и стала на левом берегу реки Урал.

Что представлял собой Лбищенск после гибели Чапаева, нетрудно угадать. Дома были изрешетены пулями и разрушены снарядами. В городе еще бушевал пожар. Улицы заволокло дымом. Земля была усеяна трупами убитых красноармейцев и обозников—мобилизованных крестьян. Особенно много трупов было обнаружено в западной части города в районе ветряных мельниц, где казаки расстреливали пленных и раненых

партиями по 100—200 человек. Здесь находили тысячи предсмертных записок, нацарапанных на клочках газетной и курительной бумаги. Порывистый ветер разносил далеко по степи посмертные призывы расстреливаемых:

„Товарищи-чапаевцы, нас ведут на расстрел".
„Да здравствует советская власть".
„Отомстите белым гадам за нашу смерть".
„Да здравствует партия большевиков".
„Да здравствует коммунизм".

Усталые, голодные, не имея патронов и снарядов, доблестные красные части остановились на несколько часов в городе лишь для того, чтобы подобрать раненых и отыскать труп Чапаева. Но все поиски были безрезультатны. Только в бане под полом был найден тяжело раненый начальник штаба тов. Новиков, у которого вследствие загрязнения раны получилось заражение крови.

Наступила темнота. Освещаемые заревом пожара части выступили дальше на Уральск. 8 сентября фронт красных по линии Чижинская, Скворкин, Барбастау и Федоровский был восстановлен, при этом наши части отбили у казаков 3 орудия и 2 бронемашины.

Начальник штаба белоуральской казачьей армии так описывал гибель Чапаева и отход красных частей на Уральск:

«Лбищенск взят 5 сентября с упорным боем, который длился 6 часов. В результате были уничтожены и взяты в плен * штаб 25-й дивизии, инструкторская

---

* Сдались казакам летчики, бывшие офицеры—сотрудники штаба и безоружные мобилизованные обозники-крестьяне.

школа, дивизионные учреждения. Захвачено 4 аэроплана, 5 автомобилей и прочая военная добыча.

После ночлега в Лбищенске наш отряд в составе 2 кавалерийских дивизий, оставив в тылу у себя Сахарновскую группу красных, двинулся на север, и только дойдя до форпоста Янайский, встретил противника. (Это была 75-я бригада Аксенова, которая двигалась на подводах через Уральск для соединения с основными силами дивизии. — **И. К.**).

Наша конница свернула из форпоста Богатинский в степи — на хутора, лежавшие к западу от этого поселка. Между тем оставшиеся на ф. Каленом пешие и конные части нашей Уральской армии, не учтя особенности обстановки, которая была сообщена им с аэропланов из Лбищенска, и ожидая разложения отрезанной Сахарновской группы красных, только вечером 6/IX перешли в наступление.

К этому времени Сахарновская группа красных зажгла станицу и поселки и начала отходить на север к Уральску. Наша казачья армия преследование вела крайне неэнергично, и противник... без потерь отошел к Янайскому.

Следовавшие за ними главные силы казачьей армии атаковали отступающие войска красных. Но они атаку отбили и ночью отошли к форпосту Скворкину, где приостановили свой отход и восстановили фронт по линии Шипово, Скворкин, Барбастау».

Чапаев погиб, но 25-я Чапаевская жива

Весть о гибели Василия Ивановича Чапаева быстро разнеслась по всей Волге и Уралу. Враг торжествовал победу. Генерал Толстов приказал даже отслужить по поводу гибели В. И. Чапаева благодарственные молебны во всех церквах Урала. Однако белогвардейщина торжествовала победу слишком рано. Чапаев погиб, но его дивизия осталась.

Спустя два месяца после гибели В. И. Чапаева 25-я дивизия (реввоенсовет Туркестанского фронта во главе с М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым присвоили ей имя Чапаева) перешла в ноябре 1919 года в решительное наступление. В бою под форпостом Янайским чапаевцы нанесли армии генерала Толстова сокрушительный удар, взяли в плен Гурьевский и Калмыковский пехотные полки и захватили 12 орудий, 50 пулеметов, 3 бронемашины и прочее военное имущество.

Белоуральская армия генерала Толстова покатилась к берегам Каспия, оказывая все же упорное сопротивление.

Зима 1919 года была особенно тяжелой для бойцов Чапаевской дивизии, которым пришлось не только вести бои с противником, но и бороться с суровыми морозами и тифом. Можно без преувеличения сказать,

что за всю трехлетнюю гражданскую войну от сабель и огня белоказаков не погибло столько чапаевцев, сколько их погибло за время движения от Уральска к берегам Каспийского моря. Из 60 тысяч бойцов осталось не более 25 тысяч, причем и эти люди перенесли различного вида тифы и другие болезни. И тем не менее 5 января 1920 года, после 600-километрового марша и ряда упорных боев, 25-я Чапаевская дивизия заняла последний оплот и базу белого казачества — город Гурьев.

С этого времени Уральский фронт перестал существовать. Уральская казачья армия была совершенно разбита. Нами было взято в плен 70 тысяч солдат и офицеров и захвачено 600 пулеметов, 250 орудий, 12 бронемашин, 100 тысяч винтовок, масса снарядов, патронов и снаряжения, 6 самолетов, 12 миллионов тонн нефти и 2 миллиона тонн бензина, в чем тогда наша страна очень нуждалась. Сам генерал Толстов с группой своей банды бежал в Персию.

В. И. Ленин прислал на имя начальника 25-й Чапаевской дивизии тов. Кутякова телеграмму, в которой благодарил бойцов за героическую трехлетнюю борьбу и ликвидацию Уральского фронта.

После этого 25-я Чапаевская дивизия была отведена в район Новоузенск и станция Урбах, где она поступила в резерв Главкома.

В первой половине 1920 года на трудящихся Советской страны напал новый враг — польская буржуазия. Армия Пилсудского вышла к берегам Днепра и в середине мая 1920 года захватила Киев.

25-я Чапаевская дивизия из района Саратова была переброшена под Киев. 30 мая 1920 года ее авангардные части прибыли к Днепру. Здесь 25-я Чапаевская

дивизия получила задачу выйти в тыл всей 3-й польской армии генерала Рыдз-Смиглы, занимавшей Киев.

1 июня 1920 года 73-я бригада переправилась через Днепр в районе деревни Печки, что в 70 километрах к северу от Киева, и 2 июня, разбив польскую кавалерийскую бригаду генерала Романовского, заняла местечко Горностайполь. Тогда для разгрома Чапаевской дивизии поляки бросили на Горностайполь ударную 1-ю дивизию легионеров и 9-ю пехотную дивизию. Под Горностайполем развернулись ожесточенные бои, длившиеся вплоть до 8 июня 1920 года. Чапаевская дивизия, несмотря на огромные потери, вынудила польские части к отходу.

10 июня 73-я и 75-я бригады 25-й Чапаевской дивизии вышли на 80 километров в тыл 3-й польской армии в районе станции Бородянка и Тетерев. К этому времени наша 1-я Конная армия прорвала польский фронт в районе местечка Сквира и заняла район Житомира. В результате 3-я польская армия генерала Рыдз-Смиглы, занимавшая весь Киевский район, оказалась в стратегическом окружении. Это вынудило маршала Пилсудского отдать приказ на отход от Днепра к западу, назад в Польшу.

3-я польская армия, — вероятно, из-за боязни конницы Буденного, — начала отход не по житомирскому шоссе, а по железной дороге на Коростень, то-есть через позиции, занятые 25-й Чапаевской дивизией. Здесь полки Чапаевской дивизии вступили в упорные бои со всей 3-й польской армией. Станция Бородянка переходила несколько раз из рук в руки. И все же чапаевцы отбросили штыками поляков в направлении к Киеву, не дав им возможности отходить на запад. В бою под Бородянкой погиб почти весь начальствую-

Схема 7. Боевой путь, пройденный 25-й Чапаевской дивизией за время 1918—1920 годы.

щий состав полков 73-й бригады Чапаевской гвардии Но бойцы не отступили.

Наконец, ценой огромных потерь поляки заняли местечко Бородянку. Чапаевцы, отойдя на 5 километров к северу от станции Бородянка в район местечка Берестянка, несколько раз переходили в контратаку, заставив тем самым польскую армию быстрее очистить Советскую Украину.

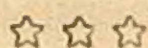
Поляки предполагали, что с прорывом на реке Здвиж дорога для них будет открыта. Но польские паны ошиблись в своих надеждах. Дорогу им преградила 75-я бригада 25-й Чапаевской дивизии, хорошо укрепившаяся на реке Тетерев. Несмотря на то, что бригада столкнулась со всей 3-й польской армией, она не уступила и приняла неравный бой.

Чапаевцы беспрерывно атаковали поляков в течение трех суток, 13, 14 и 15 июня 1920 года, вынудив их 16 июня отойти за реку Уж.

20 июня под городом Овруч чапаевцы разбили наголову группу полковника Рыбака в составе пяти пехотных полков, захватив в плен до 1 тысячи солдат и 8 тяжелых орудий и вынудив 3-ю польскую армию отойти за реку Уборть. С 23 по 25 июня в районе города Олевск происходило сражение между 25-й Чапаевской дивизией и поляками, которые были отброшены за Уборть и далее на город Сарны. Теснимая нами 3-я польская армия отошла впоследствии к берегам Вислы. Чапаевцы взяли города Сарны и Ковель и подступили к стенам города Холма.

По окончании советско-польской войны 25-я Чапаевская дивизия расположилась в городе Полтаве. Молодые бойцы не забыли славных боевых традиций своих старших братьев-бойцов Чапаевской дивизии.

За отличную боевую и политическую учебу в условиях мирного времени 25-я дивизия была награждена ЦИК'ом СССР орденом Ленина.

Чапаев погиб, но созданная им дивизия, победоносно прошедшая весь героический путь гражданской войны, живет и ныне. Живет в сердцах трудящихся и память о неустрашимом, отважном герое В. И. Чапаеве. Именем героя Чапаева названы совхозы, колхозы и фабрики, улицы, площади и сады. Почетное имя Чапаева носит бывший Иващенск, ныне город Чапаевск. В. И. Чапаеву посвящено много песен, стихов и книг.

В 1923 году бывший военный комиссар 25-й Чапаевской дивизии Д. А. Фурманов написал широко известную книгу «Чапаев». Эту книгу читают не только трудящиеся нашей страны, но и рабочие всего мира.

В 1932 году старые бойцы-чапаевцы, рабочие и колхозники Волги, соорудили на свои средства памятник Чапаеву в городе Куйбышеве.

В 1934 году талантливые советские кинорежиссеры братья Васильевы выпустили знаменитый фильм «Чапаев», который пользуется горячей любовью трудящихся нашей страны. Фильм «Чапаев» известен не только Европе, но и Америке. Его смотрят рабочие всего мира.

В 1935 г. Чапаеву ставится памятник в Ленинграде на реке Неве.

Народы Советского союза, строящие под руководством партии Ленина—Сталина социализм, чтят память своих героев. Нет ни одной страны в мире, где бы

батраку, плотнику, рабочему ставили памятники. Это возможно лишь там, где у власти стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство, завоевавшие под руководством великой коммунистической партии свою родину.

Партия Ленина—Сталина вырастила народного героя, большевика и полководца В. И. Чапаева. На примере его жизни и борьбы воспитывается трудящаяся молодежь нашей великой страны, готовится с чапаевской доблестью защищать в будущих боях дело Ленина — Сталина, дело социализма.

Содержание